

Виктор Климов

РАЗГОВОР С ВНУКОМ

Виктор Николаевич Климов

Разговор с внуком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71994160

ISBN 978-5-6050520-9-8

Аннотация

Путь в небо летчика-истребителя Виктора Климова начался в далеком 1940 году. Липецкий аэроклуб, Борисоглебская школа пилотов, 63-й гвардейский истребительный авиационный полк... Эта книга о романтике летной работы, о победах и горечи утрат, о боевой дружбе и, конечно, о замечательном поколении советских летчиков, которое завоевало победу в Великой Отечественной войне и встало на охрану воздушных рубежей нашей Родины в послевоенный период. Широкая эрудиция и художественное чутье позволяют автору в разговоре с внуком тонко передать атмосферу своей эпохи.

Содержание

Благодарность за помощь в работе над книгой	6
От составителя	8
Пока я жив – я мыслю и творю	14
Со слов родителей	17
Сладко – горький мед памяти	22
Крещение водой Дона	25
«Дайте мне нормальные книги!»	28
Чем аукнулась антирелигиозная кампания	35
Ростов – папа и арест отца	39
Поездка на Брянщину	41
Образ бабушки и немного о предках	45
Барышни Безковы	50
Тайный поход на Сельмаш	53
Первая влюбленность	58
Что такое локоть товарища	60
Русский богатырь Иван Поддубный	62
«Семафор судьбы», или Первые шаги к небу	66
Переезд в Мариуполь	70
Как мы чуть не стали островитянами	73
На берегах Меотиды	74
Приазовский Дед Мороз в копоти и саже	79
Запретная книга дяди Вани	81
Изучение «мовы»	84

Учитель болгарин	88
О моем ощущении того времени	92
Первые стихи, в которых я изобразил себя стариком	94
Клуб «Юный моряк»	98
«Сталь» – спортивное общество металлургов Юга	104
Грек Христя, запуск ракеты и другие изобретения	108
«Горожанин» в Липецке	114
Липецкий всемирный потоп	124
Любовь первая – она же последняя	126
Мальчики из 10-го «А»	130
Выпускной	136
«Повзрослели ребята – и ничего больше личного»	139
Конец ознакомительного фрагмента.	142

В.Н. Климов

Разговор с внуком

© Климов В.Н., текст, 2024

© Галани С.А., текст, фотографии, 2024

© «Н.Оріанда», макет, оформление, 2024

Благодарность за помощь в работе над книгой

Редактор-составитель книги выражает искреннюю благодарность детям и внукам В.Н.Климова, его родственникам, заместителю председателя Липецкого областного Совета депутатов, заслуженному военному штурману Российской Федерации, Герою России В.И.Богодухову, летчику-истребителю, командиру звена, участнику войны в Афганистане в 1984–1989 гг. Е.С.Александрову, подполковнику запаса, технику авиации С.Ю.Ковалеву, автору книг об истории авиации в Липецке, сотрудникам-архивистам читального зала Центрального архива Минобороны РФ (ЦАМО), Липецкого областного краеведческого музея (ЛОКМ) за практическую помощь, консультации и содействие в работе над материалами книги.

При подготовке издания, сверке фактов и событий биографии В.Н.Климова использовались данные следующих фондов ЦАМО: ф. 60431 «6-я высшая авиационная школа пилотов первоначального обучения», ф. 60334 «Борисоглебская Краснознаменная военная школа пилотов им. В.П.Чкалова», ф. 22159 «641 (63) Гвардейский истребительный авиационный полк», а также ф. 9439 «29-й Отдельный штрафной батальон Орловского военного округа».

Редактор-составитель С.А.Галани

От составителя

Мы готовили эту книгу вместе с дедушкой – Виктором Николаевичем Климовым. Виктор Николаевич был изумительным рассказчиком, обладавшим даром увлекать слушателей. Кто не слышал его устных рассказов и выступлений, никогда не сможет представить себе силу его обаяния и талантливости, образности его речи.

Нам, внукам, особенно памятны сказки, которые он рассказывал на ночь. Каждый раз они заканчивались одной и той же фразой: «А продолжение этой истории мы услышим в другой раз!» Эти слова были словно холодный душ для дет-

ских грез. Мы всегда умоляли о продолжении. Порою дедушка был строг и категоричен – «сказал, и точка!», а порою мы с горящими глазами слушали новый рассказ, сочиненный им на ходу. Эти истории и сказки он, к сожалению, не записывал. В то же время тяга к литературному творчеству позже взяла свое: поэзия стала для Виктора Николаевича «душевной пристанью». Он оставил после себя три полноценных стихотворных сборника. Ни одной серьезной, большой книги так и не написал, хотя ему было чем поделиться с читателем.

Тогда – примерно лет десять тому назад – у меня возникла идея помочь ему подготовить книгу воспоминаний. Первоначально он отнесся скептически к моему замыслу, считая, что внук толкает его писать нечто, подобное мемуарам, подытоживающим жизненный путь. Ему категорически претили исповедальность и самолюбование, присущие большинству авторов подобного жанра. Кроме того, будучи от природы человеком внимательным и наблюдательным, Виктор Николаевич, как и многие летчики, был несколько суеверным, верящим в судьбу и чудеса. Он почему-то считал, что человек, написавший воспоминания, в скором времени обязательно умрет. Торопить неизбежное событие ему не хотелось.

Достигший к преклонным годам уважения и почета в городе, только что отпраздновавший свой 90-летний юбилей в кругу друзей и близких, он совсем не казался дряхлым и бес-

сильным, как большинство его сверстников. Да что там говорить: со своим рабочим местом – креслом председателя городского совета ветеранов войны и труда – Виктор Николаевич расстался за пару лет до того, как перешагнул девятый десяток. Каждый день в любую погоду он исправно ходил на работу, разбирал бумаги, кому-то звонил и писал по поводу обеспечения ветеранов жильем, санаторным и курортным лечением, помогал в решении бытовых вопросов. В ресторане, во время торжества, он элегантно повел даму, вальсируя среди пораженных гостей. Сдержанный шепот восхищения пронесся над столом: «Настоящий полковник!»

Этот невысокий, кряжистый старик с профилем римского патриция на удивление был еще бодр: ему хотелось радоваться каждой минуте, солнцу и дождю за окном, душевному общению с родными, друзьями, его живо интересовали политические события, спорт, новые книги. На его губах, готовых улыбаться, беззвучно возникали стихотворные строки, когда он видел, например, красивую женщину. Казалось, что запас жизненных сил у Виктора Николаевича безграничен – хватит на сто лет, а может, и более...

Как сейчас, я хорошо помню детали нашей тогдашней беседы. Мы пили крепкий бразильский кофе и вели неторопливый разговор на кухне. В раскрытые окна на пятом этаже заглядывали тополиные ветки, чья листва золотилась в раннем предвечерье. Несмотря на вторую половину сентября, было по-летнему жарко.

Дед платком вытер струившийся пот, добавив к себе в чашку две ложечки рижского бальзама, как он говорил, «для бодрости». Я снова, некстати, попытался затронуть тему подготовки возможных воспоминаний. Виктор Николаевич был неумолим:

– Нет, Сережа, еще раз нет. Ты это пустое дело оставь! Не по нутру мне мемуары – это что-то тягучее, нудное. Не уговаривай меня. У меня нет материала, к тому же я не вел никаких записей или дневников день за днем. Многие позабылось, стерлось из памяти.

Я решил не сдаваться и прибег к очевидной, нехитрой уловке:

– А если это книга не конкретно о тебе, а о тех интересных людях, с которыми ты сталкивался в своей жизни? О твоём детстве, молодости, о друзьях-авиаторах, о Липецке, который ты так любишь?

Дедушка задумался, морщины на его пронизательном, умном лице обозначились резче, взгляд устремился куда-то вдаль, он словно вслушивался в тишину вечера и слышал в ней что-то, ему одному доступное...

– Ну что ж, попробуем, – сказал он, пристально посмотрев на меня, – только уговор такой: ты спрашиваешь – я рассказываю, ты расшифровываешь – я читаю и вношу свои принципиальные правки в текст. Если потребуется, то будем от чего-то отказываться. Понимаешь?

Я утвердительно кивнул головой:

– С моей стороны тоже небольшое условие. Я могу не успевать стенографировать, поэтому хотел бы просить твоего разрешения использовать диктофон – он будет точно фиксировать слова.

Тут уже согласился дед. Я извлек из кармана портативный репортерский диктофон и нажал кнопку записи...

Магнитная лента сохранила более полутора часов наших спорадических разговоров, так как дедушка жил в Липецке, а я в Москве, поглощенный ритмом и заботами жизни в мегаполисе, лишь изредка навещая этот городок на реке Воронеж, чтобы повидаться с родней и, конечно же, с ним.

Теперь, спустя много лет, я иногда включаю аппарат и после короткого щелчка и недолгого шипения пустой ленты вновь слышу его чуть глуховатый голос, знакомые, родные интонации и будто бы опрокидываюсь назад во времени и пространстве...

Дедушка успел рассказать о своем детстве, юности, опаленной войной, первых послевоенных годах, когда он служил в авиационном полку, базировавшемся в Германии. Мы о многом еще хотели поговорить, но так и не получилось. Так, собственно, бывает всегда: мы расточительны и безжалостны по отношению ко времени и близким людям.

...Остались далеко в прошлом и улица Ленина, бывшая Дворянская, и уютная маленькая квартира на пятом этаже с большими книжными стеллажами, старомодными коврами на стенах, креслами с изогнутыми деревянными ручками,

на которые так было приятно облокотиться, читая книгу, и желтым торшером, из-под конуса которого струился мягкий, необыкновенно теплый свет. И рядом дедушка с газетой, и бабушка раскладывает свой пасьянс... все это еще перед глазами, но нужно смириться с тем, что ничего этого больше не существует, как у Антона Павловича Чехова: «Дом, в котором мы живем, давно уже не наш дом...»

Хочется верить, что человек не может умереть до конца. Ему есть продолжение, пусть в существовании других – близких и отдаленных потомках, друзьях, последователях, наконец, в тех, кто найдет что-то близкое, созвучное себе в историях, рассказанных Виктором Николаевичем.

Вот для них эта небольшая книга и предназначена.

Пока я жив – я мыслю и творю

Достигнув девяностолетнего рубежа – о чем я никогда даже и не мечтал, – я должен поблагодарить Жизнь. Во всяком случае у меня есть за что: за своих учителей, за посланных судьбой мне знакомых и друзей, за родственные души, так часто и щедро встречавшиеся на моем пути, за мою семью, детей и внуков.

Прошлого уже не вернуть, не исправить, не пережить вновь, поэтому я говорю спасибо любому прожитому дню. У ветерана, как я написал в одном своем стихотворении, нет возраста – только жизнь. Пока я жив – я мыслю и творю.

Молодежь, школьники, студенты, курсанты! Они для меня всегда были главным источником вдохновения, и я не раз им говорил, что учусь у них и черпаю гораздо больше, чем они у меня.

Когда мы собираемся со школьниками, я всегда говорю им примерно так: «От меня вы не услышите каких-то нравочений, разговоров о том, что мы были лучше, недовольства сегодняшним временем. У каждого времени свое время. Я к вам пришел не брюзжать по-стариковски, не говорить о том, что вы не так себя ведете: нет, я, наоборот, хотел бы у вас, ребята, поучиться. Поучиться сегодняшнему отношению к жизни. Сегодняшнему пониманию жизни. Потому что все развивается, уходит вперед такими темпами, что мне уже не угнаться, а я хотел бы хотя бы не очень здорово отстать. Я могу вам что-то рассказать, что-то посоветовать, порекомендовать. Дальше – ваш выбор, ваше желание: принять ли мои советы или не принимать».

Но я не буду забегать вперед: все по порядку. Ведь я намерен рассказать тебе не всю историю моей жизни, а лишь зафиксировать самые ее яркие и важные моменты. Может, всего уже не помню, но расскажу то, что запомнилось больше.

Сидя в своей комнате, полной книг, портретов и фотографий близких мне людей, я мысленно возвращаюсь в те места, в которых когда-то жил: Ростов, Мариуполь, Липецк, Карелия...

Вот на этой старой, выцветшей от времени фотографии твои прабабушка и прадедушка: мои мама и папа. Рядом, в военном френче, дядя Ваня, родной брат мамы. А это я, совсем еще маленький, на игрушечной лошадке – здесь мне не больше трех лет...

С Ростова, точнее, с той его части, что раньше называлась Нахичеванью-на-Дону, мы и начнем наш разговор. Так что включай свой диктофон...

Со слов родителей

Мне хотелось бы начать нашу беседу с воспоминания, которого у меня на самом деле не было, но оно непосредственно связано со мной.

Сохранилось несколько обрывков, бессвязных картин, как короткие вспышки света в темноте. Все это отложилось в моей памяти со слов родителей.

Они прогуливались вдоль Буденновского проспекта – одной из центральных магистралей Ростова. Раньше он назывался Таганрогский проспект. Здесь проходил главный путь на Кавказ. По этой дороге в 1820 году проезжал Александр Сергеевич Пушкин во время своего «Путешествия в Арзрум». А в январе 1920 года по проспекту нескончаемой людской рекой шли полки Первой Конной армии и 8-й армии Южного фронта, освободившие город. Было это задолго до моего рождения. Естественно, я этого не могу помнить. Это я уже по рассказам взрослых знаю.

Зато смутно помню детские ощущения: я покачиваюсь в детской плетеной коляске, щурясь от жаркого южного солнца. Мои ощущения расплывчаты и беспредметны. Я не могу их превратить в какой-то осмысленный образ, но они до сих пор живут во мне.

Мама позже рассказала мне, что когда они собирались свернуть на Пушкинскую улицу, то заметили, как навстречу им от бывшей гостиницы «Палас-отель» шли двое военных. В гостинце тогда располагался штаб Северо-Кавказского во-

енного округа. Ромбы на воротнике, знакомые всему миру пышные усы помощника главнокомандующего Красной армии по кавалерии Буденного...

Семен Михайлович! Легендарный командир Первой Конной. С ним рядом подтянутый человек в гимнастерке с аккуратной щеточкой каштановых усов – Климент Ворошилов, также легендарный герой Гражданской войны, первый красный офицер.

Буденный, улыбаясь, склонился над коляской: «О, да какой у вас бутуз!» В глазах пощипывает, я готов расплакаться от страха перед этим усатым большим лицом, но мама ободряюще смотрит на меня, и я моментально успокаиваюсь. «Подрастет – будет офицером!» – уверенно заключил Ворошилов.

Таким причудливым образом на углу Буденновского проспекта и Пушкинской и был предопределен мой дальнейший жизненный путь.

Интересно, что когда мой папа, бывший командир Рабоче-крестьянской Красной армии, лихой командир пулеметного эскадрона, пришел просить руки матери, то выглядел он вполне себе буржуазно: черный костюм-тройка, старомодный котелок, франтоватые усики под носом. Костюм дополняла трость с набалдашником. В этом, как мне кажется, угадывались привычки, усвоенные им за годы жизни в Питере, еще сословном Петербурге, где даже представители рабочего класса стремились подражать стандартам, принятым

в буржуазно-чиновничьей среде.

Сладко – горький мед памяти

Детские воспоминания держатся дольше других. Что удивительно, Сережа, у тебя все это еще впереди. Будешь стареть, будешь мудрее, и прошлое, которое, казалось бы, покрыто пеплом времен, вдруг станет удивительно ясным.

Клетки памяти начинают открываться, как соты в пчелином улье. Открываются, и появляется «мед памяти». Это очень специфическое ощущение... Я сам в это не верил, и когда мама начинала говорить о своем детстве, думал: «Ну как она помнит?!», а теперь и сам это понимаю...

Ранние впечатления, думаю, у всех носят отрывочный характер. Они не претендуют на системность и логику, зато в них таится ключ к будущему, к судьбе человека. Никому не интересны стариковские жалобы и ворчание. Поэтому я хочу говорить о своем детстве и юности.

В отличие от писателя Льва Толстого, который в автобиографической повести «Детство» утверждал, будто бы помнил себя с годовалого возраста, я более или менее отчетливо помню себя лет с четырех-пяти. Самые ранние мои воспоминания – ростовские. Тогда я еще не умел читать. Сначала воспринимал буквы как визуальную информацию, как некие объекты. Затем стал отличать одну букву от другой и понимать их значение, и, наконец, они слились для меня в цельный текст. Это была настоящая революция, перевернувшая

мое сознание! Для меня мир, как я научился читать, словно поделился на до и после.

Жили мы с родителями в Нахичевани – районе Ростова-на-Дону, отданном для проживания армянам, переселенным из Крыма Суворовым по приказу императрицы Екатерины II. Их поселили там, чтобы спасти от уничтожения татарами. По крайней мере, так гласила официальная версия. Ростов и Нахичевань до начала XX века были двумя самостоятельными городами, хотя экономически и культурно взаимосвязанными. Их даже называли «женихом и невестой».

Благодарные армяне поставили Екатерине II памятник в Нахичевани. После революции этот памятник снесли и вместо императрицы водрузили на постамент Карла Маркса. Есть в этом какая-то злая ирония, игра судьбы: вместо немки Катеньки немецкий еврей Карл. Площадь тоже переименовали, назвав ее в честь властителя революционных дум – площадью Карла Маркса.

На площади, вблизи собора и базара, располагался ТРАМ (Театр рабочей молодежи) – громадное здание, построенное в конце XIX века и бывшее подлинным украшением города. До его постройки функции театра выполняли здесь зимой амбар в частном торговом здании на базаре, а летом – открытая сцена в клубе. В основу проекта честолюбивыми армянами был положен план Одесского городского театра.

Папа с мамой очень любили ходить в театр и часто брали

меня с собой. Сохранилось у меня одно воспоминание, такое яркое, точно дело было вчера. Было мне года четыре, может, чуть меньше, как мы семьей пошли в театр. В Ростове как раз гастролировал знаменитый оперный певец Леонид Собинов. Билеты на представление отец приобрел в обмен на продукты. Там я впервые увидел оперу «Евгений Онегин». Она у меня в голове и сейчас – яркая и красочная постановка середины двадцатых...

И «Лебединое озеро» тоже помню, балет: как Белый Лебедь билась о невидимую преграду, как выплывали из озера и поднимались на сцене белоснежные лебеди.

Какая сцена! Она все еще стоит у меня перед глазами.

Крещение водой Дона

Свой первый ростовский адрес я не забыл: 2-я Комсомольская, дом 58. Письма можно писать, да некому...

Жили мы в частном доме, точнее, снимали его. Во дворе был просторный флигель, веранда, дворик был обнесен небольшим забором, была еще собачья будка и летняя кухня.

Традиционно во всех домах Нахичевани были ворота и парадный вход. По вечерам нахичеванцы ходили друг к другу чаевничать в саду, рассказывали колкие анекдоты, а утром шли к тем, кто был героями этих анекдотов. Папа посмеивался добродушно, слушал пересуды горячих армянских соседей и никогда не вступал с ними в споры.

Жили мы дружно, без ссор и ругани, хотя случались инциденты, в основном связанные со мной. В Ростове все друзья и знакомые, как правило, собирались у нас на праздники. Мама на кухне становилась просто волшебницей. Умела готовить так, что ее обеды и ужины запоминались на всю жизнь. Это особенно ценили друзья нашей семьи. Все умела готовить исключительно, что от нее потом моя сестра взяла – она очень хорошо готовила. А еще мама изумительно пела, любила импровизировать, проявляя не только музыкальную одаренность, но и острую наблюдательность. Музыкальные гены она унаследовала по отцовской линии: дед был регентом церковного хора, и все Безковы пели в церковном хоре.

Я хотел бы подчеркнуть, что мама прошла в жизни очень хорошую школу: она шила, великолепно готовила, могла оказать первую медицинскую помощь. При этом она никогда не работала внаем, так как отец принял принципиальное решение, определив, что ее главная цель в жизни – дом и воспитание детей [1].

Отец иногда уезжал по делам в командировки. Как-то из Астрахани он привел три или четыре баркаса арбузов для рабочих. На пристани началась суeta, мешки с арбузами выгружали с баржи. Чтобы я не мешался под ногами, отец мне сделал маленькую удочку, и я пытался удить рыбу прямо с баржи. Поплавок повело, я дернул удочку и подсек леску – в руках оказалась серебристая маленькая рыбешка, первая волшебная рыба, пойманная мною в жизни! Как я радостно закричал: «Папа, папа, ты видишь!» Отец, занятый разгрузкой, то ли не слышал, то ли не обращал на меня внимания. В этот момент по барже вразвалку шел моряк, несший на плечах громадную корзину с арбузами. Я очутился прямо на его пути. Единственное, что я успел расслышать, – это фраза: «Посторонись, малыш!» Задев, он нечаянно толкнул меня, и я за борт кубарем – плюх! Камнем пошел на дно. Помню только шум в ушах и в глазах какие-то круги – маленькие, потом больше, больше, больше...

Когда открыл глаза – уже лежу на палубе, а папа смотрит на меня, бледный-бледный. Спас меня тот самый морячок. Успел он вовремя, так как течение реки в том месте было

очень сильное.

Вот такое у меня было первое, после церкви, крещение водой Дона.

«Дайте мне нормальные книги!»

Папа с большим трудом устроился в Ростово-Нахичеванскую пожарную команду имени Ленина. Попал он туда по протекции своего знакомого по фамилии Баум, пожарного техника по образованию. Он еще при царе был брендмейстером¹. В годы Гражданской войны их пути пересеклись в Крыму. Отец воевал в Северной Таврии, а Баум был главным организатором пожарной охраны на полуострове. С его именем связана замена конных обозов пожарными автомобилями в Симферополе и других городах Крыма.

Нахичеванская пожарная команда располагалась в двухэтажной каменной постройке на углу площади Толстого (бывшей Полицейской) и улицы Ереванской (2-й Соборной), в историческом центре города, рядом с красивыми особняками бывшей Нахичеванской городской управы и городской думы. У входа в пожарную часть всегда стояли дежурные машины, готовые по первому сигналу выехать на борьбу с огнем.

Если где-то случался пожар – это была настоящая сенсация. Скачут пожарные в медных касках, сзади громыхает по мостовой блестящая машина, раздается звон колокола, из окон вырывается дым. Внизу шумит толпа сбежавшихся зевак, свистят мальчишки, в окнах горящего строения мельещат чьи-то руки, головы, плечи, а снизу из кишки – пожарного шланга – хлещет струя воды. Вот уже огонь шипит, отступая под напором воды, скручиваются шланги, выплывы-

вая из наконечников последние короткие струйки, и через минуту машины уносятся обратно.

Армяне – жители Нахичевани – говорили по этому поводу так: «Дайте нам ваш кишка, а когда, Бог даст, у вас будет пожар, то мы вам два кишка дадим».

Конечно, я чрезвычайно гордился, что такую же блестящую каску, тяжелую брезентовую робу и брюки, подпоясанные ремнем с форменной бляхой, носит мой отец. Пожарная охрана была на особом положении: их даже в баню пускали с почетом, вне общей очереди.

Надо сказать, что все эти годы отец участвовал в художественной самодеятельности и в своем кругу считался «звездой» сцены. Со своими коллегами он играл в Театре рабочей молодежи в Нахичевани. Каждый поход в этот театр был для меня праздником. Самодеятельная театральная группа, в которой выступали мои родители, нередко объединялась с «синеглазниками» в одну агитбригаду. Свое название «Синяя блуза» получила от униформы, в которую были одеты ее участники. Синяя блуза – традиционная рабочая одежда пролетариев Европы. Этим термином пользовались Маркс и Энгельс. Сценарий для каждого очередного выступления синеглазники чаще всего готовили сами. На сцену они выходили под звуки веселого марша: «Мы синеглазники, мы профсоюзники, нам все известно обо всем, и вдоль по миру свою сатиру, как факел огненный, несем». Это называлось «парад-антре», или «марш-парад», являвшийся своеобраз-

ной зарядкой выступления. Заканчивалось выступление всегда одинаково: и артисты, и зрители пели «Интернационал».

Как-то во время представления я, не выдержав, закричал на весь зрительный зал: «Смотрите, а вон мой папа!» Акустика там была замечательная, в тишине разносилось далеко и довольно громко. Поэтому мой выкрик вызвал дружный смех.

Ясно помню свое восторженное состояние, когда впервые сам прочел надпись. Мы шли по улице, и мама все мучилась, пытаясь учить меня азбуке, что называется, традиционным методом, по буквам: «А, бэ, вэ...» А я вдруг увидел вывеску и говорю: «Мама, смотри – ЕПО!» (на заключительном этапе НЭПа² многочисленные мелкие магазины были объединены в единую сеть под названием ЕПО – единое рабоче-крестьянское потребительское общество). Мама так обрадовалась, сказала мне: «Правильно, сынок!»

Так я сходу начал читать. Сам, без родителей, без чьей-либо подсказки нашел, где находится ближайшая библиотека, и пошел записываться в нее. Библиотекарь, завидя такого мальчика, как я, удивилась:

– Мальчик, может, тебе дать почитать сказки? – скептически спросила она, окидывая меня взглядом: моя голова едва виднелась над столом.

– Ну уж нет, – уверенно ответил я. – Дайте мне нормальные книги!

Моему возмущению не было предела: я уже самостоятель-

но выписывал газету «Пионерская правда», а тут мне предлагают какие-то смешные сказки!

Книгу я прочитал довольно быстро. Пришел ее сдавать, чтобы взять новую, а работница библиотеки, не поверив в мои способности, решила проэкзаменовать меня: «Ну, Витюшенька, как тебе? Понравилось?» – «Понравилось». – «А о чем эта книжечка? Ну-ка, расскажи, о чем?» И я рассказываю содержание от а до я. А на дворе 1927–1928 годы, мне лет пять, не больше.

Самостоятельно в 1930 году первого сентября я пошел в школу – не родители меня отвели. Школа называлась «№17 имени Всеобуча³».

Приходит преподаватель, женщина, в элегантном костюме – бант белый, блузка, волосы гладко зачесаны назад. Звали мою первую учительницу Нина Александровна, интеллигентнейшая женщина. На уроке Нина Александровна усадила нас за парты, вызывала по списку, знакомилась. И лишь в самом конце урока показала, как пишется буква «А». Я уже давно умел читать и писать, но все же старательно вместе со всеми, а со мной за одной партой сидели взрослые ребята, намного старше меня, выводил одну букву за другой. Оказалось, во время занятий нельзя разговаривать. Это было неприятной неожиданностью. В остальном же мне все понравилось, особенно учительница. Когда она говорила, то можно было заслушаться... В ней все светилось, все было легким и воздушным.

После успешного окончания первого класса мне вручили грамоту на простой оберточной бумаге – вверху рисунок строящегося Днепрогэса, по бокам два портрета – Ленина и Сталина – с надписью: «Ученику 1-й группы, ударнику пятилетки». Я сохранил эту грамоту и подарил ее липецкой школе, которую когда-то оканчивал, как напоминание о той удивительной эпохе Всеобуча.

Чем аукнулась антирелигиозная кампания

Звонить в колокола в Ростове запретили в 1928 или 1929 году, с началом широкой антирелигиозной кампании во всей стране. В городе наступила непривычная тишина, нарушаемая только гулом уличного движения.

Сначала закрывали церкви и изымали церковные богатства. Помню груды сверкающей церковной утвари, которую вывозили на подводах, помню плачущих и крестящихся старух, скорбно взирающих на поругание своих святынь...

Потом стали праздновать «Комсомольское Рождество» – в пикку самому любимому народному празднику. Советская власть отчаянно боролась за уловление души каждого, пускавая в ход все, чтобы добить важный элемент прежней жизни – православную церковь и священнослужителей, которых презрительно именовали попами. Родителям это было явно не по душе. При мне, ребенке, они старались не обсуждать скользкие политические темы.

«Шире развернуть антирелигиозную работу в новостройках и колхозах!»

«Шире и глубже повести антирелигиозную работу среди женщин!»

«Укрепить работу по антирелигиозному воспитанию де-

тей и молодежи!»

«Крепить международные связи безбожников!»

Вот как звучали лозунги той эпохи, Сережа. По сути, строилась новая религия, строилась материалистическая церковь. Школа также должна была стать антирелигиозной, и нас, школьников, стали выводить на антирелигиозные акции.

В первом или во втором классе мы пошли на завод «Красный Аксай», он находился недалеко от станции Нахичевань-Донская. С конвейера этого предприятия сходили первые советские комбайны. Мы пришли в обеденный перерыв и читали заводчанам стихи и агитки. Мне достались стихи атеистического содержания:

*Христос родился в яслях
В семье простого столяра.
Вселенной волхвы подсказали,
Что родила дева царя.
В то время царствовал царь Ирод,
то был не царь, а эгоист...*

Кончалось это незамысловатое стихотворение следующим образом:

*Ну вот настал двадцатый век,
родился умный человек,
его зовут Владимир Ленин,
он ненавистник лжи и лени.
И вот пришла пора —
попам беда!
Попы клеветуют муть народу...*

Моя агитка пользовалась популярностью – рабочие бурно аплодировали.

Эта «всемирная» борьба с церковью напрямую коснулась и нашей семьи. Доносчики – «стукачи» – были всегда.

Кто-то написал клевету, что «наш председатель завкома крестил своего сына». Папа тогда уже работал на чугунолитейном заводе имени Воровского как освобожденный председатель заводского партийного комитета. До этого он недолго руководил ростовским торговым портом. Опытных работников-партийцев было мало, и поэтому их часто перебрасывали с места на место. Так папа оказался на заводе.

Крестили меня в кафедральном соборе Ростова, расположенном на площади Старого базара, кстати, втайне от отца... Собор тоже был как бы на осадном положении, как и наша семья: здание и колокольни обнесли кирпичной стеной, южную паперть, выходящую на торговые ряды, разобрали, часть соборного подворья была реквизирована. Поэтому крестили детей в маленьком притворе.

Событие не могло пройти бесследно в период разнузданной антирелигиозной кампании на Дону. Официально было принято решение о том, что всякие религиозные обряды в этих зданиях, то есть храмах, считать «неуместными и впредь прекратить».

На заводе состоялось собрание – отца выгнали из партии. Для него это был сильнейший моральный удар. Партийный билет он получил не за конторским столом, а на фронте. Все это сказалось на дальнейшей карьере Николая Федоровича Климова [2].

Отнесся он к этому спокойно, я бы даже сказал, по-философски, с христианским смирением: «Нет так нет». С тех пор он был простым рабочим. И на судьбу не роптал, никогда и никому не жаловался.

Ростов – папа и арест отца

Через некоторое время отца арестовали. Не знаю точно за что.

Чтобы передать передачу в тюрьму, приходилось выставлять огромную очередь. Мы с матерью с утра ехали через весь город к так называемому ростовскому централу. Он располагался в самом центре, на Богатынской улице.

Напомню, что Ростов издавна считался одним из центров преступного мира юга России. Неслучайно возникло такое выражение – «Ростов-папа». «Папа» – потому что другим таким же центром криминалитета была Одесса. Как говорили в узких кругах: «Ростов-папа шлет привет Одессе-маме!»

Именно в Ростове, а не в Одессе были написаны широко известные слова песни: «На Богатынской открылась пивная. Там собиралась компания блатная. Там были девочки Маруся, Роза, Рая и с ними Костя, Костя-шмаровоз».

Знаменитая пивнушка в переулке на Богатынской действительно была хорошо видна из окна следственного изолятора. Об этом я узнал позже от отца.

В девятнадцатом веке в тюрьме в основном сидели воры и мошенники, растратчики и убийцы. После революции камеры наполнились «политическими». Вначале гласными городской думы и царскими чиновниками. Когда же их расстреляли, стали сажать «оступившихся» товарищей, в том

числе и моего отца. Здесь, вместе с матерыми уголовниками, коротали время до расстрела знаменитые красные командиры Думенко, Пархоменко, первый директор завода «Ростсельмаш» Глебов-Авилов и многие другие...

Непосредственно перед зданием тюрьмы – жуткие сцены. Ждущие очереди на передачу родственники и близкие заключенных, люди метались, что-то кричали под окнами. Из-за решеток выглядывали бледные арестанты, махали нам руками.

Что-то кричала и моя мама. Когда она видела лицо отца, то он знаками показывал, что с ним все нормально, чтобы она успокоилась, не переживала...

Через весь город мы проделывали утомительный маршрут обратно.

Повторялось все это несколько раз, но через пару месяцев отца неожиданно выпустили.

Поездка на Брянщину

В детстве, Сережа, все представляется особенным и значительным, и то, что запоминается в детстве, запоминается надолго, иногда – на всю жизнь.

Наши детские воспоминания носят отрывочный характер, состоят, на первый взгляд, из мелочей. Но именно из этих мелочей и формируется отношение человека к миру и к крупным явлениям.

Мне памятна поездка к нашим родным на Брянщину: и детские страхи в пустых комнатах, и старинные сундуки в доме бабушки, и как целыми днями с ватагой мальчишек я носился по округе, купался в прохладных водах речки Бобрень, протекавшей через деревню, ловил пескарей. Какое тем летом было синее-синее небо!

Было это, дай Бог памяти, в 1930 году, когда мы с родителями поехали на их малую родину навестить родню. Я только пошел учиться в школу. Двумя годами ранее у меня родилась сестра Руслана [3]. А позже к нам в Ростов приезжал мой дедушка – папин папа [4]. Приезжал на лечение. Родители помогли определить дедушку в больницу, и его успешно там прооперировали. Это был как бы первый сигнал, первая весточка о том, что родные пенаты заждались моих родителей, пора в путь-дорогу. И вот как-то отец пришел с работы

и сказал: «Всё, собираемся, завтра едем в Бобрик!»⁴

Как ехали в самом поезде – не помню, а вот финал нашего путешествия запечатлелся в сознании. Поезд убавил скорость, лязгнув буферами, вагоны остановились.

– Какая это станция? – спросил я у отца.

– Брасово, – ответил он. – Приехали!

Мы сошли на платформу и дальше пошли пешочком. У отца в руках наша поклажа, у мамы – годовалая Руслана, а я шел сам по себе. Подобно пути, по которому путешественники из «Затерянного мира» Конан Дойла проникали вглубь амазонских джунглей по зеленому тоннелю небольшой речки, тропа от станции Брасово проходила в своеобразном тоннеле из старых деревьев. Полчаса неторопливого хода – и мы вышли на белопесчаные крутые берега Неруссы. О происхождении названия этой реки существуют разные версии. Мне правдоподобной представляется такая: в далекие времена на востоке за рекой лежали нерусские земли кочевников – половцев и печенегов. Отсюда и произошло название Нерусса.

Речку мы перешли вброд. Что меня тогда поразило – кристальная чистота воды. Нельзя было подумать, что это вообще вода: настолько она была прозрачной, такой песочек лежал на дне, что весь мир подводных растений и рыб казался доступным и ясным. Ощущение, как будто ты наблюдаешь за происходящим из-за стекла аквариума!

За рекой начинался сосновый лес. Еще час ходьбы, и впе-

реди показались главки высокого ярусного храма, сложенно-го из брусьев. Это была церковь Михаила Архангела, расположенная в самом центре села Бобрик.

Остановились мы у маминой родни Безковых, в доме ее родного брата дяди Гриши⁵. Жену его звали Клавдия, для меня – тетя Клава. Были у них дочь Юля и сын Коля [5], мои одногодки, поэтому мы быстро нашли общий язык, проводя почти все время за околицей.

Само село разделялось на две части: мы жили на одной стороне, а через какой-то овражек жили родственники отца Климовы. Дом, в котором мы остановились, также состоял из двух жилых половин – летней и зимней, затем шли узкие сенцы и проход во двор, в сад. Со всех сторон к селу подступали вековые сосны и дубы. Воздух целебный, лесной, запахи смолистых бревен в доме. Повсюду жужжат пчелы, шмели, пахнет медом, а в пору сенокоса – ароматом земли. В брянском пейзаже вообще, Сережа, чтобы ты понимал, для глаза нет ни резких линий, ни кричащих красок – все плавно, все уравновешенно. Не наткнешься на камень – их нет, не поранишься о колючки в траве или лесу – можно только оцарапаться ежевикой. Можно, не боясь, прилечь отдохнуть в поле, в лугах, в лесу...

Удивительные эти места Брянщины: Брасово, Комаричи, Бобрик, Локоть. Здесь когда-то проходили рубежи Московского государства, сюда, на окраину, бежали крестьяне от боярской и помещичьей неволи, оседая в местных лесах. Здесь

была буйная, мятежная Комарицкая волость – родина знаменитой русской плясовой песни «Камаринская». Волость, как говорили в старинных грамотах, «забеглых людей и разбойников»: людей вольного нрава, свободолюбивых.

Образ бабушки и немного о предках

В памяти навсегда остался образ моей родной бабушки, маминой мамы.

Я видел ее только один раз, именно тогда. Ясным и ласковым взглядом выцветших голубых глаз смотрела она на меня.

А как она заваривала чай! В саду у нее росли специальные травы, чтобы заваривать чай, – душица, мята, ромашка, чабрец, пустырник и другие. Я больше такого чая нигде не пробовал...

Деда своего я в живых не застал. По словам мамы, он был очень представительный мужчина. Во взгляде блестящих черных глаз читался ум и крутой характер. Густые брови, выющиеся волосы, высокий, широкий лоб и невероятно прямой профиль – все выдавало в нем явно нерусское происхождение. По семейным преданиям, он происходил из фанариотов (константинопольских греков). Они славились своими знаниями, энергией и дипломатической изворотливостью⁶.

Появление Безковых было результатом одной из многочисленных русско-турецких войн. Православные подданные султана Кантемиры, Мурузи, Кантакузины, Ипсиланти –

князя без княжеств, но чьи предки когда-то носили порфиру – становились русскими дворянами, вливаясь в служилое сословие Российской империи [6].

Безковы получили небольшой надел в Лугани и числились во второй части родословной губернской книги как род дворянства военного. Известно имя первого представителя нашей фамилии – Осип. Его сын Федор Осипович, боевой офицер, участвовал во многих сражениях, был неоднократно ранен. Он рано скончался, оставив сиротой сына Тимофея, моего деда по материнской линии, очень умного и дельного человека. Тимофей Федорович, хотя и не получили систематического образования, служил в богатой семье Подлиневых. Начинал дед как объездчик, то есть объезжал обширные угодья в Севском и Трубчевском уездах с целью надзора, а также контроля за производимыми в разных пунктах работами. Особенно сложно было в летний период, когда имения наполнялись сотнями отходников – сезонных работников, публикой самой разношерстной. За ними только глаз да глаз нужен. Бывали сцены и как в стишке: «Вот объездчик в белой кепке на кобыле вороной / По гороху, по сурепке с плеткой гонится за мной». Обладая хорошими математическими способностями и отменной коммерческой сметкой, Тимофей вскоре дослужился до управляющего экономией, а затем стал и главноуправляющим всех имений. Круг его обязанностей был крайне обширен. Он занимался не одним ведением сельского и лесного хозяйства, но и техническим

производством, управлением домами и складами землевладельца, его городским имуществом, операциями с процентными бумагами. В поместьях Подлиневых культура земледелия и животноводства была выше, вводились многопольные севообороты, начинала применяться техника, строились перерабатывающие предприятия. Во многом это была заслуга моего деда. Когда же единственная дочка уездного предводителя дворянства Владимира Павловича Подлинева [7] вышла замуж за помещика Марковича, им в качестве приданого досталось село Позняшкова. За короткое время имение там преобразилось. Дед помог Марковичам [8] построить винокуренный завод, создав новое, современное по тем временам комплексное производство – со складскими помещениями, инвентарем, обозным цехом и даже маслобойкой. Росло благосостояние и самого Тимофея Федоровича, который, кроме постоянного жалования, получал еще и проценты с чистого дохода имения. Это позволило ему купить усадьбу в Бобриках в том же Севском уезде и дом в Санкт-Петербурге.

Старшая мамаина сестра Татьяна больше всех была похожа на дедушку своим греческим профилем и властным выражением лица. В дедушкину породу пошли и моя мама, и дядя Гриша, хотя его образ совсем смутно промелькнул передо мной [9]. Другая сестра мамы тетя Анюта и брат Иван, наоборот, были копией бабушки. На нее походила и еще одна моя тетушка – Дарья [10].

Что меня еще тогда поразило – внешность бабушки. Она уже была совсем старенькой, а мне казалась такой красивой. В ладной фигуре ее и в лице была гаснущая красота, которой неярко светится пожилая женщина. Бабушка была небольшого роста, платья носила темные, подчеркнута строгие. Она вечно что-то делала, на ногу скорая – про таких в народе говорят: хлопотунья.

Трогательно и нежно бабушка относилась к нам – своим малолетним внучатам-несмышленишкам. Воспитывала лаской и нежностью, учила правилам хорошего тона: как сидеть за столом, держать вилку или ложку, играла с нами. Мы целый день находились под ее ненавязчивой опекой. Порою она добродушно ворчала, но ничего категорически не запрещала: «Ну, бегают детвора и бегают».

Вот она разохалась, когда я здорово расшибся: во время игры упал на камни, разбил лицо, ободрал кожу на лбу. Все лицо заплыло, так что испугаться можно было вполне. Врачей-то в селе нет. В спешке поехали в соседнюю деревню Локоть. Там фельдшерский пункт был. У меня оказалась глубокая царапина на верхнем веке и легкий ушиб лба. Фельдшер промыл царапины и вылил на них пузырек йода. Слава Богу, все тогда обошлось, но бабушка сильно переживала случившееся.

Один раз я все же был наказан ею, когда, расшалившись не в меру с другими мальчишками, пробежал по конопляным холстам, которые отбеливались и сушились на солнце. Дело

было так. Как-то прошел дождик, а в холстах этих вода, скопились лужицы. И вот мы с криками «Боже-боже, дай огня и под лавки Маланья!» бегом по ним босиком по всему селу. Это мы таким образом просили, чтоб дождик пошел и чтоб молния сверкала. Позже я узнал, что имя Маланья означает «молния», а слова нашей песенки – старая русская закличка для вызывания дождя и грома.

Вволю потоптавшись по холстам, мы всей стайкой, как воробышки, весело побежали по своим домам. Рванул и я к нашему дому. Подбегаю – а деревня маленькая: слышно, как то тут, то там раздаются звучные шлепки и громкий рев, – и умом понимаю, что мне тоже несдобровать. Так и есть. Бабушка уже ждала меня. И с порога я тут же получил от нее увесистый подзатыльник: «Еще какое баловство придумал? Ух, пострелец! Ну надо же!»

И такая у нее была добрая и чистосердечная улыбка, что весь мир вокруг меня снова ожил, заиграл, запел, переливаясь десятками красок и оттенков. Каждый раз, когда вспоминаю об этом, мне становится стыдно и не дает покоя мысль: «Почему же мне с самого начала не сказали, что так поступать нельзя?!»

Барышни Безковы

В моей детской памяти хорошо запечатлелось, что сельчане обращались к маме и ее сестрам не так, как это было принято в деревне: «Машка», «Нюрка», а уважительно – «барышни» и только на «вы», подчеркивая, что они принадлежат к другому социальному срезу, к другому сословию⁷.

В этой связи всплывает еще один эпизод, связанный с летом в деревне. Занемог один очень зажиточный селянин. Жил он в большом доме через дорогу, напротив нас. У него прихватил живот. К вечеру боли усилились, состояние быстро ухудшалось, человек стал задыхаться, буквально «доходит» на глазах. Тогда сосед обратился к домашним: «Позовите барышню, кого-нибудь из Безковых!» Срочно среди ночи позвали мою маму и тетю Дашу. Больного они нашли в тяжелом состоянии – живот вздут, движения кишечника не прослушиваются, пульс учащенный. Мама с сестрой сделали содовый раствор, поставили ему предварительно масляную клизму, а потом очистительную содовую. Вскоре больной почувствовал большое облегчение. На следующий день из Локтя приехал уже настоящий врач. Он осмотрел мужика, назначил ему физиологический раствор под кожу, инъекции камфоры и рекомендовал пить больше жидкости. Но главное – врач сказал, что запор мог оказаться для него фатальным,

если бы не оперативная помощь мамы и тети Даши.

Короче, ожил мужик, и я запомнил, как он пришел к нам через несколько дней с подарками и, низко кланяясь, все благодарил «барышен», что, конечно, меня, ребенка, очень удивило... А ведь учили всему этому мою маму, тетю! Учили, как оказывать первую медицинскую помощь! Еще до революции.

Жили Безковы в Бобриках достаточно скромно. Что-то осталось из старой утвари – какие-то лари, посуда, столовые приборы, но в целом ничего особенного, что бы привлекло мое внимание. Что точно нетипично было для сельского дома – наличие книг. Старые переплеты, тусклое золото букв, пятна ржавчины на пожелтевших страницах. Часть из них лежала в плетеных корзинах. Мне нравились их корешки, обложки, картинки такие понятные, что вот и не читаешь, а ясно все. Какие-то из них принадлежали еще моему деду, часть была куплена дядей Ваней, страстным книголюбом. О библиотеке я еще коснусь ниже.

Что еще запомнилось из той детской поездки на Брянщину? То, что меня постоянно тянуло на выгон, на окраину села, к ребятам – моим сверстникам. Там, за речкой, была запруда, а за ней дальше были так называемые копани. Мы там не только пасли гусей – играли в ножички, устраивали кучу малу, купались в копанях⁸. Это такие искусственные прудцы для мочки пеньки. Из волокон конопли делали грубые холсты и полотна для одежды, изготавливали пряжу, а из пряжи

– прочные веревки и канаты. Замачивали коноплю сразу же после уборки и обмолота, пока стояла теплая погода. Делали это следующим образом: укладывали на берегу две длинные жерди концами в воду, на них – конопляные снопы, а сверху еще жерди. Концы жердей скрепляли кольцами из прутьев, а сверху клали камни так, чтобы пенька полностью погрузилась в воду. На моих глазах доставали увесистые лохмотья замоченной конопля из копаней и раскладывали по лугу на просушку.

Мы потом в этих ямах купались. Ямы были очень глубокие. Сейчас думаю: «Как же мы в них купались? Как не утонули?» Наверное, действительно детство не знает страха. Ведь мы не боялись ничего. Плюхались туда, и все. Плавать не умели, ничего не умели, а все равно лезли туда. Хорошее было детство. Так, по крайней мере, мне сейчас хочется думать, спустя много-много лет...

Быстро, слишком быстро пролетели те счастливые дни на Брянщине. Отец засобирился обратно в Ростов – его ждали неотложные дела, работа. В день проводов глаза у бабушки были печальными. Она словно предчувствовала, что мы больше никогда не увидимся...

Тайный поход на Сельмаш

Знаешь, Сережа, мне хотелось бы, как говорят в художественной литературе, сделать одно лирическое отступление: вернуться назад, к началу моей истории.

Рассказывая о детстве в Ростове, я не могу обойти молчанием некоторые моменты. Первый момент: когда мне было шесть лет, мы с одним моим приятелем-одногодкой прочитали в «Пионерской правде»⁹, что в городе Ростове идет громадное строительство – Сельмаш.

Статья называлась «Завод-сад» – о том, как в забытой степи, подле Ростова-на-Дону, вырос гигантский завод сельскохозяйственных машин. Особенно привлекло нас сравнение про станок в кузнечно-прессовочном цехе, который был «большой, как слон», с «огромной слоновой ногой».

Автор красочно живописал и другие механические станки и автоматы: про «огнедышащую бутылку» из огнеупорного кирпича, про штамповальные станки, паровые молоты, кузнечные горны, паровозы с платформами... В общем, мы тут же загорелись идеей увидеть все эти чудеса. Да и полюбоваться на завод, который был не так далеко от нашего дома, нам было очень любопытно. Так как родители нас вряд ли бы отпустили самостоятельно в такую прогулку, то мы решили сбежать тайком. Каюсь, что я спровоцировал своего менее

решительного приятеля.

– Ну что, пойдём? – предложил я ему.

– Ругаться не будут?

– Родители?

– Да...

– Хочешь, я с тобой пойду, раз ты боишься, вместе будем отвечать?

– Тогда идем!

Той ночью я плохо спал, ворочался, а перед глазами, словно синий мираж, возникала картина нашего будущего путешествия. Забылся только под утро. Очнувшись наконец и взглянув на стрелки будильника, я перепугался: было почти восемь, а мы договорились встретиться в половине девятого. Набив карманы заранее приготовленными жмыхом и сухарями, я попытался проскользнуть мимо двери на кухню, за которой уже копошилась мать. Но она, услышав меня, отворила дверь.

– Куда это ты, Витя? А завтракать? – недоверчиво глядяваясь в мое лицо, спросила она. Я, конечно, мог юркнуть в дверь, и поминай как звали, но замешкался, понимая, что таким образом обижу маму.

– Я погуляю немножко!

– Хорошо, но только недолго – завтрак остынет!

Стремглав я бросился к калитке, выбежал за угол и пустился бегом к месту встречи. Друг уже ожидал меня, переминаясь с ноги на ногу, с некоторой тоской поглядывая в

сторону дома. Но было поздно – с моим появлением путешествие началось. У Нахичеванского базара мы еле-еле втиснулись в переполненный рабочим людом вагон трамвая, и нам казалось, что вагон бежал до конечной остановки целую вечность.

Тогда трамвайные вагоны, открытые, легкого типа, проходили к заводу от Нахичеванского базара по 20-й линии. Переполненные вагоны часто сходили с рельс, а ехавшие рабочие дружно устанавливали их на место. Все же до станции мы добрались благополучно. Остались позади одноэтажные особнячки предместья Нахичивани с лепными карнизами и приспущенными жалюзи, за которыми ревнивые армянские купцы прятали своих жен и дочерей, и мы вступили в бархатную пыль степной дороги, нагретой солнцем.

Расстояние для нас, малышей, оказалось приличным. Основательно помесив дорожную пыль и наконец добравшись до места, мы были поражены картиной увиденного. Издалека стройка напоминала гигантский муравейник, работающий в четком, отлаженном ритме. Тысячи людей трудолюбиво копошились с лопатами, тачками, грабарками, топорами, пилами. Строительство Сельмаша разбросалось широко вытянувшимися стенами цехов над глубокими оврагами, а за ними, вдоль балки, тянулись ряды временных барачков для рабочих, покрытых черным толем.

Мы оба как зачарованные наблюдали за людьми и могучей техникой. Осмелев, подобралась ближе и, наверное, с час, а

может и больше, с любопытством смотрели, как гигантские гидропушки размывали грунт, выравнивая площадку под строительство очередного цеха. Потом рискнули забраться на территорию самого завода, лазили по закоулкам литейного пролета, взбирались по каким-то металлическим лестницам, куда-то спускались... Здесь, в этой общей рабочей суете, на нас никто не обращал внимания, и мы долго были предоставлены самим себе, пока не наткнулись на усатого сердитого человека в форме вахтера.

– А вы что здесь делаете? Что вам нужно? – спросил он с грозным видом.

– А-а-а-м-м... – беспомощно забормотал мой приятель, но я схватил его за рукав:

– Бежим! – и мы рванули наутек. Вахтер за нами. Петляя, добежали до какого-то дощатого забора, юркнули в щель, отдышались, осмотрелись вокруг – вдали дымятся трубы, поблизости раздаются гудки, за забором трещит электросварка. Погони за нами нет. Тут солнце стало клониться к закату, начинало быстро темнеть, и мы решили возвращаться домой. На обратном пути мы, немного поплутав, поняли, что окончательно заблудились. Парень, мой друг, начал плакать – нам всего-то по шесть лет было. Я его начал утешать: «Обожди немного, мы сейчас...», а сам не знаю, куда идти.

И тут повезло – нам попался милиционер. В сумерках его белая униформа и каска были отчетливо видны. Подхожу к нему и говорю:

– Дядя милиционер, мы, кажется, заблудились.

– А откуда вы?

– С Сельмаша.

– А куда нужно вам?

– Нахичевань, 2-я Комсомольская, 58, – отчеканил я, как

«Отче наш». Он говорит:

– Сейчас, пойдемте.

Приходим на трамвайную остановку, сажают в трамвай и вагоновожатому говорит:

– Этих ребят довозишь до Карла Маркса, они там сойдут.

Они там дорогу уже знают, дойдут самостоятельно.

На Карла Маркса вагоновожатый говорит: «Ребятишки, ваша остановка!»

Но что меня ожидало дома – это уже особая статья, потому что с самого утра и до темноты, до ночи, меня нет, и вот я появляюсь.

Тогда я в первый и последний раз узнал, что такое отцовский ремень. Мне запомнился этот случай на всю оставшуюся жизнь.

Первая влюбленность

Эта история будет короткой. Слова «влюбленность» я еще не знал, но слово «любить» произносил часто, обращаясь к отцу или матери.

Между влюбленностью и любовью есть различимые грани. Влюбленность может перерасти в любовь, но чаще всего так и остается влюбленностью. Неслучайно Стендаль, французский писатель, великий мастер психологического романа (его книги, кстати, есть в моей библиотеке), считал, что любовь – это когда ты получаешь наслаждение оттого, что видишь любимый и любящий объект. Эта бесхитростная, наивная любовь, эта непосредственная влюбленность в действительность или в собственные грезы, в красоту человека была с детства присуща мне. Было у меня это чувство где-то глубоко в душе.

На соседней улице жила очень симпатичная девушка, полукровка: наполовину армянка, наполовину русская. Было ей примерно семнадцать-восемнадцать лет. Меня, тогда еще совсем ребенка, она поразила своей красотой и изяществом. Густые волнистые волосы, высокий чистый лоб, гордый взлет бровей, тонкие черты лица, открытые, ясные глаза. Ох, и одарила же ее природа! Говорили, что никому из девушек никогда не приходило в голову завидовать этой удивительной красоте, а у парней никогда не возникала мысль,

что она полюбит кого-нибудь из них.

Когда пришло время ей выходить замуж – я был безутешен. Побежал к ней во двор и, увидев, говорю: «Ну чего же ты, не могла подождать меня?!» Услышав эти слова, она только рассмеялась, ласково провела рукой по моим волосам и сказала: «Ты совсем еще глупый малыш».

Я горько плакал навзрыд весь вечер. Никакие уговоры и обещания не действовали, все переживал, что такая красота от меня уходит!

А тогда я еще и в школу не ходил...

Что такое локоть товарища

И второй случай. Также из ростовского периода моей жизни. Мне приблизительно 5–6 лет. На окраине нашей улицы, недалеко от нашего дома, был знаменитый кирпичный завод. Там занимались обжигом кирпича. И наша улица, когда приходилось вывозить этот кирпич, особенно в непогоду, вся сотрясалась от матерных ругательств, какие только есть на свете...

Как-то раз мы с ребятами пошли в степь за этот кирпичный завод, решив устроить своеобразный поход. А представляешь, что такое летом донская степь? До сих пор не пойму: чего ради нас понесло в эту степь? Огромные желтоватые пространства уходят вдаль и сливаются с горизонтом. Все кругом выжжено солнцем, и только белые пучки ковыля колышутся на ветру, словно седые бороды. Сверху раскинулось голубоватое небо, солнце немилосердно жжет, и некуда деться от его зноя. Вот мне через некоторое время и стало дурно. Все поплыло перед глазами.

«У меня солнечный удар», – только и успел пробормотать я, споткнулся и упал. Казалось, небо, рухнув, раскололось напополам. Трое или четверо моих товарищей подошли, подняли, подхватили меня и протащили на руках через всю степь не одну версту. Кто-то из них нахлобучил мне на голову свою кепку. Ребята дотащили меня до криницы, во-

дичкой сбрызнули, и я понемногу стал приходить в себя...

С тех пор я четко уяснил, что такое товарищество, взаимопомощь, что такое рука друга, который не бросит тебя в беде. Если есть возможность помочь, если нужно кому-то – помоги. Сделай это ради себя и ради своего друга.

Я потом так себе сказал: «Это учеба жизнью». Не кто-то за тебя аннотацию сказал, а ты сам проверяешь жизнь на себе и делаешь зарубку на всю жизнь.

Русский богатырь Иван Поддубный

Для меня с детства цирк был особым, удивительным миром.

Я отчетливо помню свой первый поход в цирк: мне было года четыре, может, пять, я упросил отца сводить меня – в Нахичевани-на-Дону, на центральной площади за городским театром (ныне Ростовский-на-Дону академический молодежный театр), появился цирк шапито. Больше всего меня восхитили акробаты, которые в прыжке умудрялись несколько раз перевернуться в воздухе и летали на трапеции под самым куполом. Мне так понравились гимнастические трюки, что самому сразу же захотелось стать акробатом. Желание стать акробатом присутствовало у меня до той поры, пока я не увидел самолет.

Эти первые детские впечатления позже повлияли на мое приобщение к снарядовой гимнастике. В городских дворах появились подвесные кольца, примитивные турники, брусья. Мастерили мы их сами и сами же на них крутились и вертелись, демонстрируя друг перед другом силу и ловкость. Конечно, мне нравились и выступления клоунов на арене, особенно выступления «шута его величества народа» Виталия Лазаренко с его задорными агитками и скетчами, которыми

он заканчивал свои представления. Вот что осело, сохранилось в памяти: «Привет вам граждане! Я шут, я создан людям на потеху, за правду нас частенько бьют, но мы не изменяем смеху».

Но это я немного отвлекся, а моя сегодняшняя история о другом знаменитом цирковом артисте, которого мне довелось увидеть. Гуляем мы как-то с мальчишками по городу, вдруг видим афишу. На ней изображен какой-то силач в облегающем трико с голыми ногами. Из-под черных усов белели крупные зубы. Читаем по буквам, что же там написано. Афиша гласила примерно следующее: «Завтра единственные гастролы Ивана Максимовича Поддубного: впервые по возвращении из Америки популярнейшего борца в мире». Понятно, что мы загорелись желанием увидеть этого силача.

Наступило это памятное «завтра». Сидим в цирке, на галерке, где были самые дешевые места. Галерка почти всегда бывала переполнена, а партер часто пустовал. Собственно, и цирк, Сережа, тогда не был похож на современные здания для цирковых представлений – брезентовая крыша была только над местами для зрителей. Вся залатана, заплатана, тряпки разноцветные, как на лоскутном одеяле. Посреди арены был врыт столб, а на нем и держалась так называемая крыша.

Вначале появился ведущий, за ним в «параде-алле» гуськом прошли все борцы с лентами через плечо, увешанные

медалями – плодами своих побед, напрягая шары своих мускулов. Арбитр представил борцов и лишь после этого объявил, что сегодня на арене цирка «чемпион чемпионов, чемпион мира Иван Максимович Поддубный». Публика заревела от восторга: «Поддубный, Поддубный!» Я тогда решил спуститься в партер, чтобы поближе увидеть этого силача, – и вовремя: на арене появилась гигантская фигура... Это был Поддубный. Вблизи он оказался намного старше, чем на афише. Рослый, мощный, с неуклюжими, непомерно большими и грубыми кистями рук. Он был похож на большого, тяжелого и очень усталого африканского слона. Поддубный церемонно поклонился публике и под дружные аплодисменты вновь ушел за кулисы. В тот день он не боролся, а лишь демонстрировал навыки тяжелоатлета.

Представление началось со схватки борцов. Они пыхтели, катались по ковру, гнули друг другу шеи, выламывали руки. Уже потом я узнал, что борцы в цирке не столько борются, сколько играют, заранее условившись, кто кого должен победить. Но тогда я смотрел на них широко открытыми глазами, восхищаясь мощью и силой атлетов. Во втором отделении вновь вышел Поддубный, поиграл мускулами, поприветствовал зрителей. За ним униформисты выкатили тележку с набором двухпудовых гирь и странное изделие с крючками, больше напоминавшее коромысло. Под музыку Иван Поддубный жонглировал двухпудовыми гириями, как пушинками, вертел четырехпудовую штангу, демонстрируя чудеса

силы и ловкости. Эти тяжелые предметы выглядели в его могучих руках невесомыми и даже изящными. Гул пошел по всему цирку.

Затем ведущий объявил, что сейчас мы станем свидетелями невиданного доселе «акта силы». Униформисты подцепили к «коромыслу» по две гири с обоих концов. Поддубный крикнул и выжал его левой рукой. Такой же трюк он проделал правой рукой. Пока он пытался отдышаться, прохаживался по арене, униформисты подцепили к «коромыслу» еще по несколько гирь. Со стороны все это напоминало бубенчики в лошадиной упряжи. Мы замерли в напряжении. Поддубный подошел к снаряду, внимательно оглядел зал и с животным рыком воздвиг снаряд с гирями над своей головой. Красный от натуги, он некоторое время держал вес, затем с грохотом бросил его на землю. Цирк взорвался аплодисментами.

Вернувшись домой, я побежал к соседу. По утрам он выходил во двор и до пота занимался с гирей и штангой. Я знал, что гиря стоит у него на веранде. Даже с места мне не удалось ее сдвинуть. Услышав возню, сосед выглянул из дома. Он подошел к гире, отодвинул меня и рывком оторвал ее от земли: «Сразу, парень, это не дается, – снисходительно сказал он. – Мало пока каши ел».

Так я понял, что мне еще очень далеко до русского богатыря Ивана Поддубного.

«Семафор судьбы», или Первые шаги к небу

Мои детские годы в Ростове совпали со временем бурного развития советской авиации: на улицах висели впечатляющие плакаты ОДВФ – Общества друзей воздушного флота: «Трудовой народ, строй воздушный флот!», «Пролетарий, на

самолет!», «Даешь мотор!» и так далее.

В те дни появились спички, на коробке которых был изображен самолет с громадным кукишем вместо пропеллера и надписью: «Ответ на ультиматум Керзона». Цена, как помню, была чуть больше копейки. Лорд Керзон – английский министр иностранных дел. Он предъявил советскому правительству наглый ультиматум, чтобы спровоцировать новую интервенцию против СССР. На деньги, собранные членами Общества друзей воздушного флота, в том числе и от продажи спичек, построили целые две эскадрильи самолетов: «Ультиматум» и «Наш ответ Керзону».

Общество друзей воздушного флота занималось не только сбором средств, но и часто проводило агитационные пробеги и перелеты, а также демонстрацию образцов авиационной техники. Как-то в городской парк привезли настоящий самолет. Его цепями привязали к дереву – громадному дереву, в пять-шесть обхватов, – заводили мотор. Гуляющие в парке сбегались, а когда самолет ревел, все подходили, под струю двигателя становились, и ощущение было такое, что ты тоже находишься в полете. Творилось что-то невообразимое. Конечно же, и я там был с друзьями.

Улучив момент, когда двигатель прекратил рычать, я подошел поближе. Подтянулись и мои товарищи. Видим – у двигателя самолета копошится летчик в кожанке с запачканным сажей лицом. Когда он на минуту отвлекся от своей работы, я его робко спросил:

– Товарищ летчик, скажите, а какие полеты можно делать на таком самолете?

Он с удивлением поднял на меня глаза, наверное, подумал: «Такой малец, а надо же – задает серьезные вопросы!» Однако вслух ничего подобного не сказал. Наоборот – ответил серьезно:

– От Москвы до Ленинграда – 600 верст – пролетишь всего за полтора-два часа и не заметишь, – ответил он, обтирая тряпкой замасленные руки. – Эти самолеты, парень, делающие по 400 верст в час, поднимают только одного летчика. Летают они и к нам в Ростов. Есть и пассажирские самолеты. Имеются и другого плана машины, которые могут подниматься в небо на высоту более 10 верст, но таких у нас пока мало.

– К самым облакам, что ли? – наивно спросил я.

– Да, – широко улыбнулся летчик. – Почти к облакам и даже выше.

– И не страшно?

– Не страшно. Когда заведут мотор, и машина взлетит – все страхи разом пропадут. Ничего страшного: летит себе самолет и летит, больше ничего.

– А легко ли научиться летать?

– Летать дело довольно трудное. Прежде чем начать учить человека летать на самолете, его учат по книгам, а потом показывают в мастерских, как все устроено, как работает мотор, как его запускать, как чинить, и только потом ученика

сажают в самолет с инструктором-учителем. И вот еще что: чтобы объяснять народу, зачем нам нужны самолеты, собираются добровольные пожертвования на постройку самолетов. Устроено специальное общество – оно называется «Общество друзей воздушного флота». Запомнишь: друзей воздушного флота. А как не быть другом воздушного флота, если воздушный флот – друг народа, ребята? – спросил нас летчик. – Каждый может записаться в друзья. В сельсовете, в исполкоме знают и объяснят, как вам это сделать. Пойдете к секретарю, уплатите один рубль, а он вас запишет, выдаст квитанцию и значок для ношения на груди.

От счастья, что мне выпал такой шанс, я рванул стрелой домой за деньгами на взносы. Я твердо решил стать другом не кого-нибудь, а целого Воздушного флота!

Было еще одно событие, предопределившее мой дальнейший жизненный путь, или, образно говоря, это был «семафор судьбы» для меня.

Я познакомился с одним мальчиком: он жил в том же районе, что и я, только через два квартала. Прихожу к нему домой, а у него папа был летчиком, и у него был шлем авиационный, настоящий. Мы надевали шлем, очки, из стульев делали самолет, сидели и командовали друг другу: «От винта!» – «Есть от винта!» – «Контакт!» – «Есть контакт!»

Мы оба уже тогда бредили самолетами и авиацией.

Переезд в Мариуполь

Исключение из рядов партии говорило о том, что над головой отца сгущаются тучи. Сама атмосфера тех лет, 20–30-х годов, чтобы ты понимал, была полна бурных и противоречивых процессов. С одной стороны, в стране делалось невероятно много: строились заводы и фабрики, проводилась электрификация, сама жизнь приобретала новые формы и новое яркое звучание.

С другой стороны, возникла целая прослойка людей, которым было выгодно списать на мнимых «вредителей» и «шпионов» ответственность за свои конкретные просчеты, за все беды промышленности и рабочих, порожденные как объективными трудностями, так и бездарной политикой властей, особенно на местах. Преуспели в этом и нечистоплотные деятели из органов внутренних дел и госбезопасности. На скамье подсудимых оказались технические руководители донских и донецких предприятий и руководители парторганизаций. Кое с кем отец был знаком...

Один за другим пошли открытые судебные процессы: «Шахтинское дело», «Дело Промпартии» и другие¹⁰. Говорили об угле и машинах и о «вредительстве». Потом лексикон процессов, которые шли то на Дону, то в Москве, обогатился еще одним глаголом – «шпионить». Чувствовалось,

что это только начало. В день открытия процесса «Промпартии» в Ростове прошла четырехчасовая демонстрация: требовали всех арестованных расстрелять...

Мать моя была мудрой женщиной и умела предвидеть. Знаешь, Сережа, умные люди, особенно женщины, интуитивно чувствуют, как нужно поступить в тот или иной момент. В те времена лучшим вариантом был переезд на новое место жительства, что позволяло исчезнуть из поля зрения не только друзей и знакомых, но и органов госбезопасности. Вот она вовремя и «заболела».

Действительно чувствовала она себя в Ростове очень плохо из-за жары. Мама постоянно хваталась за голову, которую непрерывно мучила хроническая мигрень.

«У меня мигрень, не обращайтесь внимания», – все чаще говорила она. «Мигрень, мигрень, мигрень» – звучало рефреном почти в каждой беседе, если к нам приходили гости. В итоге, когда родители приняли решение о переезде в Мариуполь, где со своей семьей жила старшая сестра мамы тетя Аня, все как-то свыклись с мыслью, что Климовым срочно нужно переезжать по причине болезненного состояния Марии Тимофеевны. Никто, правда, и не думал, что в степях Приазовья, где все давно сожжено тысячеletним солнцем, царит еще более жаркий и сухой климат. Летом в середине дня там не то что море – тень не спасает от жары: песок накален, как горячая печка. Это уже мы поняли потом, на месте.

В любом случае наш отъезд из Ростова-на-Дону – это то-

же судьба. Считаю, что он спас жизнь отца и всей нашей семье...

Вот говорят же, есть ответвления в судьбе. Главное, не ошибиться – пойти по правильному пути.

Как мы чуть не стали островитянами

Нас могло занести на другой конец страны – на остров Сахалин, описанный в одноименной книге А.П.Чехова.

Когда родители всерьез задумались о переезде, к нам приехал какой-то дальний знакомый отца, командировочный. Поселили мы его у себя во флигеле. По вечерам он все рассказывал, как хорошо на Сахалине, как там нужны рабочие руки, профессионалы и прочее. Тогда шел процесс активного освоения Сибири и Дальнего Востока. В итоге он уговорил наших близких друзей. Они поехали туда.

Мы к этому времени распродали имущество, сидели буквально на чемоданах и ждали, как условились, телеграмму из далекого Сахалина от своих ростовских друзей. Наконец получаем телеграмму: «Ни в коем случае не продавайте дом!» Оказалось, что этот человек – аферист высшей марки, типа вербовщика, а на Сахалине совершенно иные, тяжелые условия, совсем не те, что так красочно он расписывал в своих вечерних беседах.

Судьба уберегла нас от роковой ошибки.

На берегах Меотиды

В мир моего детского сознания навсегда вошел этот южный, знойный городок на Азовском море с разноплеменной речью русских, украинцев, греков, с синими баклажанами, цветущими мальвами вдоль палисадников и зеленью акаций на бульварах.

Больше всего Мариуполь после Ростова поразил меня своим морем. Я впервые не увидел горизонта, потому что не мог определить, где кончается море, а где начинается небо – такого же цвета.

Древние греки Азовское море считали в зоне «крайнего холода», называли его Меотийским озером. А у меня в памяти бесконечная жара, степь с выгоревшей травой, крутые склоны балок, перерезавшие город вдоль и поперек, закопченные силуэты доменных печей и дымящих труб мартена, порт с горами жирного антрацитового угля. Так начинался новый этап моей биографии.

С тех пор я видел много морей – Черное, Балтийское, Северное, Каспийское, – но мое маленькое Азовское море мне до сих пор дороже любого океана. Гладкая, как полированная сталь, вода, чайки, сопровождающие рыбацкие шхуны, шаланды и байды, парусные лодки. Море – мелкое, но в то же время в момент могло стать опасным для рыбака из-за частой смены ветров и отмелей. В Мариуполе я хорошо изучил морские приметы. Например, когда азовские моряки говорят, что «чайка ходит по песку – моряку сулит тоску», это

означает, что на море вот-вот разыграется шторм.

Конечно, ни один уважающий себя моряк не станет ловить бычков рядом с желторотыми мальчишками, с пацанами. Для нас же это было счастьем: с утра пораньше, когда так хорошо дышать – воздух свежий, бодрящий, – отправиться на берег моря, в район порта. Там мы купались и ловили бычков. Мне приходилось ловить бычков на самолов, то есть без удочки, прямо с пальца, без наживки. Иногда мы ловили бычков на самого бычка. Надо только поймать первого – самого глупого и жадного. И уже через минуту ты мог видеть, как вокруг тебя в воде кружат богато оперенные, большие, жирные бычки...

Поселились в Мариуполе у моей тети и ее мужа, бывшего матроса легендарного крейсера «Аврора» Тимофея Геращенко [11]. Он, как и мой папа, был родом из Бобриков. Настоящая его фамилия звучит чисто по-русски – Геращенко, отец его был из зажиточных крестьян, занимался торговлей и сельским хозяйством.

Сняли мы у них полдома в поселке Гуглино рядом с греческим поселком Сартана. У них три комнаты, и у нас столько же. На море добирались поездом с железнодорожной станции: одна остановка, и все. В жаркие летние дни десятки, сотни мальчишек-голышей с утра до вечера пропадали на золотом песке приазовских пляжей.

Я уже стал повзрослее, перешел в 3-й класс. Старое здание нашей школы обветшало, ее закрыли, а новую школу толь-

ко строили. Поэтому учились мы прямо на улице под звуки маневровых паровозов и гудков с завода Ильича. Во дворе стояли парты, стулья и учебная доска. И я школу эту помню хорошо. Как ходил туда далеко, очень далеко, и летом, и зимой.

В нашу первую зиму в Мариуполе было очень холодно. Свирепствовали жутко выюги, снегу намело так, что через заборы пересыпался. Дома, которые низкие, совсем придавило. Поэтому целую неделю мы в школу не ходили. Однажды проснулись: за окошком тихо, солнце улыбается, будто оно и не пряталось так долго от нас, – и мы тут же побежали в школу.

Приазовский Дед Мороз в копоты и саже

Новый год по праву считается одним из самых любимых и веселых праздников. Мы ждем пушистого белого снега, украшенную елку и Деда Мороза с его внучкой Снегурочкой, семейного застолья, бенгальских огней.

Не всегда наступление нового года праздновали 1 января. В допетровской Руси новый год начинался 1 сентября, на Семен-день, так как крестьянский численник приурочивал к этой дате завершение многих летних работ. При Петре I велено было царским указом: «...Считать новый год не с первого сентября, а с первого генваря сего...»

В первое десятилетие после Октябрьской революции советская власть посчитала, что сохранение новогоднего праздника с его легко узнаваемыми религиозными атрибутами станет сильным искушением для празднования Рождества, поэтому отказалась от обоих праздников разом. Отмечали мы Новый год не так, как сегодня, – келейно, по-домашнему, без особой огласки.

Приближался 1936-й. Неожиданно в самом конце декабря последовал указ о разрешении официально праздновать запрещенный Новый год. Конечно, елку украшали не Вифлеемской восьмиконечной звездой, а пятиконечной красной

коммунистической. Именно в эти годы у детей вновь появились Снегурочка и Дед Мороз.

В самый первый день нового года в Приазовье случилась оттепель: снег начал таять, пошел дождь. Мы как раз с сестрой и двоюродными братьями – Толей и Володей Герашенко [11а] – пошли на утренник в клуб на завод Ильича. Там, во дворе, была устроена елка для детей.

Подходим, а Дед Мороз, которого изображал обычный рабочий, стоит у входа с посохом в луже по колено, встречая гостей. «Только дуну понемногу – вокруг сугробы намело, берегите руки, ноги, закрывайте уши, нос: ходит, бродит по дороге старый Дедушка Мороз. Пусть летят и смех, и слово прямо к площади Свердлова», – загудел он сквозь ватную бороду и присвистом, похоже, изображал вьюгу. Тут на его беду и в самом деле налетел ветер, только с завода Ильича, и борода у Деда Мороза в момент покрылась толстым слоем сажи и копоти. Мы чуть не легли от смеха: «Ай да Дед Мороз с черной бородой!»

Я по этому поводу всегда вспоминаю рассказ одного старого металлурга, как дед внуку рассказывал байку: «Была черная-черная река, а рядом черная-черная скала, и были два черных-черных человека. И один черный человек говорит другому черному человеку: „Василий Иванович, и на хрена мы жгли все время резину?!“»

Запретная книга дяди Вани

Прежде чем я продолжу рассказ о моей учебе в 4-м классе – небольшое отступление. Когда мы еще жили в Ростове, к нам приехал проездом на Дальний Восток для службы в штабе маршала Блюхера мой родной дядя Ваня.

На фотокарточке, что стоит у меня на столе, есть и он – молодой, симпатичный, в военном френче [12].

Он давал мне играть со своим оружием: зеркально-полированным длинным стволом и пупырчатой деревянной рукояткой револьвера, естественно, разряженного. Садясь верхом на длинный валик, я представлял, как мчусь в лихую атаку в рядах красной конницы.

Дядя Ваня, убывший в Хабаровск, по частям перевозил свою библиотеку из Бобриков. Он просил моего папу передать книги своему товарищу, который должен был навестить нас в Бобриках по дороге в Москву. Но он так и не объявился. Часть книг из его коллекции осталась у нас дома, в том числе редкие дореволюционные издания. По ним я и решил готовиться к экзаменам.

Мы как раз изучали период реформаторства Александра II, знаменитый Манифест об освобождении крестьян. В книге дяди Вани раздел об этом историческом событии сопровождался карикатурой, под которой были стихи такого содержания:

– Тятька, эвон что народу
Собралось у кабака;
Ждут каку-то всё слободу:
Тятька, кто она така?
– Цыц! нишкни! пуццай гуторют,
Наше дело сторона;
Как возьмут тебя да вспорют,
Так узнаешь, кто она!¹¹

Ясно? Помнишь, Сережа, это когда люди в России с внутренним трепетом ждали конституцию, 1861 год, ждали какую-то свободу. Ну вот я и оттуда черпал разную информацию про Пестеля, Муравьева и всех этих псевдонародных бандюг – Стеньку Разина, Пугачева. Она, эта книга, в голове и в глазах до сих пор...

Директор нашей школы, а он как раз вел историю, говорит мне после экзамена:

– Витя, откуда ты все так хорошо знаешь?

Отвечаю:

– Есть у дяди Вани книга одна...

– Какая? Ну-ка, принеси мне посмотреть.

Я принес. Он посмотрел и говорит:

– Витя, ты еще маленький, ты еще многого не поймешь, я тебе не советую, чтобы ты эту книгу держал, чтоб ее пока-

зывал. Не нужна тебе эта книга.

А я хоть и маленький, но запомнил, как мы ходили, кружили с мамой у тюрьмы. Потому я все понял, когда мне директор начал говорить, что «книга останется у него, а когда я подрасту – обращусь к нему, и он сразу мне ее отдаст». Понял, что книга уйдет с концами. Так он и забрал ее, а она была изумительная – с яркими иллюстрациями, с гравюрами, сильная книга.

«Здравствуйте, мои дорогие Коля, Маша, Витя и Русланочка!

Как провели время в Бобрике? Какие впечатления о жизни бобровцев?

Почему не уговорили Григория расстаться с Бобриком? Ведь я ему давно говорил, что оставаться в таком положении ему нет никакого смысла.

Коля, если в моей корзине нет книг, то, значит, второе место.

Книги мой товарищ не посылал. Мой товарищ написал тебе, что, когда именно к тебе заедет, он не знает...

А я привыкаю к жизни на Дальнем Востоке. Тут уже полмесяца идут дожди.

Пишите. На обороте мое фото.

Целую всех.

Иван Безков, 25. VIII. 1930 г.»

Изучение «мовы»

Вернемся в Мариуполь. На дворе 1937 год. Мы с тобой говорили об учебе, о начальной школе, о том, как я перешел в новую школу в поселке Гуглино¹².

Я помню 6-й класс, и я там был на доске почета. А потом построили школу в поселке Гуглино. Директором школы был ялтинский грек Збандут, историк по образованию. Его сын позже возглавлял знаменитую киностудию в Одессе. Наш класс был мозаикой характеров и национальностей. Кого только там со мной не было: русские, украинцы, поляки, греки, евреи...

Интересно, что у нас были украинская школа и русская школа в одном здании. Несколько классов. Вот, например, наш класс – русская школа, но мы обязаны были изучать украинский язык. Украинцы, в свою очередь, изучали русский язык и литературу. Никаких противоречий на этой почве не возникало.

Мы изучали не просто грамматику, а еще и украинскую литературу, читали украинских классиков: Тараса Шевченко, Ивана Франко, Михайло Коцюбинского, Лесю Украинку. Надо сказать, что я довольно быстро освоил «мову», причем так хорошо, что потом в полку, балуясь, перекладывал романсы Вертинского на украинский. Например, вот такое:

*Де ви тепер? Хто вам цілує пальці?
Куди пішов ваш китайчонок Лі?..
Ви, здається, потім любили португальця,
А може бути, з малайцем ви пішли.*

Потом мне уже было даже смешно слушать, как некоторые русские преподаватели, пытаюсь что-то объяснить, коверкали украинские слова. Особенно мне нравился мелодичный язык стихов Тараса Шевченко, украинского Кобзаря, народного песенника, аккомпанировавшего себе на кобзе – струнном щипковом музыкальном инструменте. Его певучие строчки легко ложатся на музыку. Вот почему многие стихи поэта стали народными песнями, к примеру «Завещание» («Заповіт»): «Як умру, то поховайте мене на могилі, серед степу широкого, на Вкраїні милій», поэмы «Гайдамаки», «Катерина» и другие. Так вот, Сережа, эти стихи я запомнил на всю жизнь и до сих пор помню наизусть. Или знаменитое стихотворение еще одного, уже современного, украинского поэта – Павло Тычины, – которое мы учили в школе:

*На майдані коло церкви
Револуція іде.
– Хай чабан! – усі гукнули,*

– За отамана буде.
Прощавайте, ждіте волі, —
Гей, на коні, всі у путь!
Закитіло, захиуміло —
Тільки прапори цвітуть...¹³

Отсюда повсеместная страсть украинцев еще со времен Богдана Хмельницкого собираться на майданах – городских и сельских площадях. В центре Запорожской Сечи также лежал майдан, где собиралась рада – общая сходка, решавшая все дела вольного «рыцарства». Там казаки и проголосовали за объединение с Россией.

Кстати, и «Золотого теленка» Ильфа и Петрова я прочитал на украинском языке. А дело было так: выхожу из дома – сосед сидит на лавочке, читает какую-то книгу и заразительно хохочет. Я говорю: «Можно ее тоже почитать?» – «Я прочитаю, дам тебе». И я ее прочел от корки до корки всего за ночь!

С пятого класса мы, кроме «мовы», также стали изучать немецкий язык – язык Гете, Шиллера, Гейне, язык великой культуры и техники, а также классиков социализма – Маркса и Энгельса. Советские школы стали в этом смысле преемницами дореволюционных гимназий. У меня была своя книга для чтения по немецкому языку *Deutsch Lesebuch* с построчным словарем и объяснениями. Помню первую книжку на

немецком о Спартаке, герое восстания рабов в древнем Риме. Знание немецкого языка не раз пригодилось мне, когда я служил в Германии.

Мама хорошо владела французским языком. С тетей Анютой они иногда говорили между собой на нем. Но меня этому языку мама не учила, отнекивалась – куда тебе, это тебе ни к чему. Позже я понял: она просто опасалась, чтобы на меня не пало подозрение в непролетарском происхождении.

Учитель болгарин

Годы моей учебы в Мариуполе совпали с периодом так называемых сталинских репрессий. У нас любят по этому поводу говорить – аресты, аресты, аресты. Этот демонизированный образ «проклятой сталинской эпохи» усиленно навязывается общественному сознанию вот уже более полувека. А что, разве сегодня нет арестов? Разве не выбиваются в изоляторах показания на людей, попавших в жернова судебной системы? Разве больше не пишут доносы и кляузы?

Я вовсе не отрицаю, что репрессии, точнее их всплеск в 1937–1938 годах, были, но надо разобраться: что же такое – политические репрессии? Были ли они только «сталинскими» и только «политическими»? Можно с разных позиций смотреть на всю сталинскую эпоху. Но через это, через чисто эмоциональные оценки прошлого, мы ни на шаг не приближаемся к понимаю, что происходило тогда в нашей стране на самом деле.

Вот в Мариуполе до войны, казалось бы, все должно быть сразу известно всем – город относительно небольшой, все на виду. Если бы у нас аресты и репрессии носили массовый характер, то мы бы знали – у такого-то отца взяли, у того взяли, у того... А тут сегодня начинают нам говорить о том, что арестовано было «полстраны»...

Таких арестов на моей памяти было не так уж много: три

или четыре человека были арестованы за все время. К примеру, был арестован директор завода Ильича Николай Радин – известный в городе человек, заметная фигура. Это при нем завод добился небывалых результатов – был установлен мировой рекорд по выплавке стали, который осуществил легендарный сталевар Макар Мазай. Тогда же из ильичевской стали были сделаны непобедимые танки Т-34. Радина направили на стажировку в Германию на металлургическое предприятие и получили данные, что там его якобы завербовали. Такие, по крайней мере, ходили слухи по городу. Он приехал, а его тут же в «кутузочку». Потом выяснилось, что органам НКВД удалось сфабриковать против него «дело», а санкцию на арест подписал нарком НКВД СССР Николай Ежов. Вот один известный мне случай. И второй случай, потрясший меня глубоко, – арест моего классного руководителя. Об этом и будет мой рассказ.

В школе, где я учился, очень большое внимание уделяли внеклассной работе. А внеклассная работа – это различные кружки. Особенно нам запомнился наш классный руководитель, ведший литературный кружок. Он был коммунист, болгарин, моряк. С самой простой русской фамилией – Васильев [13]. По его словам, в селе, откуда он родом, – Гирсовке, болгарской колонии в Приазовье, – половина сельчан взяли эту фамилию, чтобы избежать преследований турок.

После революции он работал школьным учителем истории и литературы. В глазах у меня его грубо высеченное за-

горелое лицо с глубокими складками и в то же время красивое. Неимоверной силы был этот человек с мощными руками борца. Идет он однажды на работу, а два здоровых с виду мужика пытаются убрать валун, мешавший проезду. Спрашивает: «Ребята, чем занимаетесь?», они ему: «Да вот никак каменюку не можем отнести». «А ну, посторонитесь, дайте мне попробовать», – сказал им Васильев. Учитель подошел, поднял этот валун, как перышко, и отнес в сторону. Мои одноклассники – свидетели этой необычной сцены. С той поры мы крепко зауважали Васильева.

Это был особенный преподаватель – сейчас таких почти нет. Он не учил нас в той форме, как это принято: он рассказывал, показывал, предлагал нам думать самим, спорить, задавать вопросы, понимать закономерности. Он не внушал, не вдалбливал, а приглашал нас самим созреть до правильного ответа. При этом Васильев обладал феноменальной памятью. Вот он приходит, начитает вести с нами разговор на отвлеченную тему, но не просто так, а с какой-то определенной воспитательной целью. И вдруг говорит: «Так, ребята, минутку, а ведь у нас сегодня диктант, все приготовились?» Начинает диктовать из головы, никаких записей у него не было. Закончив диктант, произносит: «А теперь прошу проверить», и все, что надиктовал нам на память, слово в слово снова повторяет вслух! Васильев старался привить своим ученикам вкус к настоящей литературе, благодаря ему мы втянулись в изучение истории, стараясь критически воспри-

нимать информацию, рассматривать прошлое с разных точек зрения.

Затем он уехал на педагогическую переподготовку в Сталино, нынешний Донецк, и неожиданно пропал. Длительное время никто ничего не знал о его дальнейшей судьбе. Весть о том, что его посадили в тюрьму как «иностранный шпиона», с быстротой молнии облетела всю школу.

Лично для меня арест этого благородного человека стал настоящим шоком, осознанием собственного бессилия перед несправедливостью, царящей в мире. Я никогда не верил, что он мог быть шпионом и предателем Родины. Не верили этому и мои одноклассники.

Я не умел все это объяснить и не пытался теоретизировать, но ломка была болезненной: первой моей мыслью было, что мы никогда больше его не увидим. Так, собственно, и произошло...

О моем ощущении того времени

Откровения о культе личности Сталина, прозвучавшие на закрытом XX съезде партии, у современников вызвали оторопь. Текст не публиковался, его только зачитывали, сначала на партсобраниях, потом и на общих собраниях трудовых коллективов, конспектировали (открыто он был опубликован в Советском Союзе лишь 33 года спустя, когда никого уже не интересовал). Доклад Хрущева подрывал веру в правоту того дела, которому миллионы советских людей и мои родители искренне посвятили свою жизнь. В то же время, по их словам, самыми счастливыми, несмотря на все трудности, выпавшие на долю нашей семьи, были годы после Гражданской войны.

Для меня же самыми счастливыми были 4–5 предвоенных лет. Ты, наверное, спросишь: «Почему?» Во-первых, потому что мы тогда были молоды – впереди была целая жизнь. Во-вторых, действительно в эти годы все как-то наладилось. В-третьих, потом была страшная война, а затем тяжелое послевоенное время. На этом контрасте предвоенные годы порождали лишь самые светлые воспоминания.

Конечно, мы были стопроцентно советскими людьми и верили в социализм. Но в своей вере мы не были слепы и замечали все недостатки. Если по-настоящему окунуться в то время, то осознаешь, что в нем сошлись великая вера в наш

строй, наш народ, партию с ее генеральными секретарями и другими руководителями и выработанные этой же верой чудовищные проявления предательства, пренебрежения товариществом, братством, карьеризм и «стукачество».

В конце 50-х годов, уже после XX съезда партии, развенчавшего Сталина, возник такой анекдот: «Малыш подходит к матери и спрашивает:

– Мама, Ленин хороший?

– Хороший, – отвечает мать.

– А Сталин?

– Плохой.

– А Берия?

– Тоже плохой.

– А Хрущев хороший?

– Чего ты привязался – хороший-плохой, плохой-хороший? Помрет – узнаем».

Это я говорю о том, как быстро менялось отношение к истории, к историческим фигурам уже на моем веку.

Первые стихи, в которых я изобразил себя стариком

Сегодня мы немного поговорим о стихах. Меня всегда занимала поэтическая форма. Вот если ты возьмешь стихи Пушкина, Лермонтова или Блока и попытаешься передать их содержание своими словами, то увидишь, как вдруг исчезнет то, что составляет суть поэтического слова, – живая человеческая душа. Яркая строка завораживает, заставляет подчиниться эмоциональному напору, передающемуся от стихотворения к стихотворению, его ритму. Такой отклик в душе другого человека, читателя, и есть главное условие поэзии. А слова, сказанные в другом порядке, не производят никакого впечатления...

Мне неизменно приходят на ум мои вызывающие сегодня улыбку детские стихи. Первое стихотворение я сочинил еще в шестом, может, седьмом классе. Я помню до сих пор то, что я тогда написал. Произошло это на занятиях в нашем школьном литературном кружке. Васильев как-то предложил нам: – Ребят, попытайтесь написать стихи. Я вам тему не даю, пишите все, что вам в голову взбредет, но в стихотворной форме!

Мы переглядывались и смущенно улыбались, не понимая, что кроется за этим заданием. Однако потом зашевели-

лись, закрипели металлическими перьями. А немного погодя, проверив наши работы, учитель сказал:

– Ну что ж, дети, результаты этого творческого эксперимента оказались очень интересными. Попробуем их вместе разобрать. Вот, например, что написал Витя Климов. Витя, ты ученик седьмого класса, а уже вспоминаешь «юности дни».

И он вслух прочел мое стихотворение:

*На окне в бледном свете луны
пламя свечи горело так тихо и робко.
И, глядя на него,
вспомнил юности дни,
когда бегал, шутил,
походил всем на пробку.
В бурном море людском
меня били, топтали,
но затопчут – уйдут,
и я вновь подниму свою голову так,
чтобы все увидали.
А теперь я старик:
сбили меня, изогнули.
Посмотрел он кругом, головою поник,
пламя гордое свечи задули...*

Все засмеялись, зашумели. Я тоже засмеялся, так как на

слух мои стихи мне показались смешными, но затем резко покраснел от смущения.

Когда шум в классе немного стих, Васильев произнес:

– Вы напрасно смеетесь. Витя чувствует музыкальный ритм стиха, подобрал очень интересные образы и сравнения. Конечно, есть несоответствие между образом несчастного старика и реальным возрастом автора. Это и вызывает ваш смех. Но как раз в силу открытости миру личность поэта легко устанавливает контакты между разными мирами и временами. Например, Пушкин в юности тоже воображал себя стариком. Так что пробуй, твори и дальше, Виктор. Первый раз не получится, пробуй второй, не получится в девятнадцатый, не бойся двадцатого и тридцатого. Больше работай над языком, над формой и содержанием. Этот дар тебе не помешает в жизни.

Мы провели таким образом разбор наших стихов, идя от содержания к форме, в которой это содержание выражено, то есть путем практического усвоения образного языка. Васильев еще успел нам рассказать, что такое ямб и хорей, и познакомил с трехсложными размерами – дактилем, амфибрахией, анапестом. Только мы втянулись, так благодарны ему были, и его вдруг арестовывают. Ты уже знаешь об этой истории...

Я не знаю, кто из моих бывших однокашников по кружку стал настоящим, большим поэтом или литератором, – я тоже им не стал. Прогноз Васильева относительно меня от-

части сбылся: поэтические способности, начитанность, умение владеть словом, как оказалось, ценились не менее, чем ратные подвиги.

Стихи и творчество сближали меня с самыми разными людьми на новой, более высокой, чем бытовая, основе. Когда в кругу семьи или за дружеским столом я начинал читать свои стихи, то замечал, как становилось теплее, уютнее, как у людей распахивались души навстречу друг другу.

Клуб «Юный моряк»

Пожалуй, нет на свете мальчишек, которые не мечтали бы о море, необитаемых островах, штормах и приключениях. А в Мариуполе, где мы жили, море было под рукой, были моряки и летние пионерские лагеря, разбросанные по всему побережью, где в том числе учили морскому делу. Тогда же, в 30-х годах, были учреждены значки «Юный моряк» и «Моряк». Сдача норм на эти значки являлась первой ступенью в системе подготовки пионеров и школьников, проводимой под руководством организаций Осоавиахима¹⁴. Но дело это было сугубо добровольным.

Воспитание – это терапевтический процесс. Это не то, что вы можете навязать детям. Вы можете только предложить с той или иной степенью настойчивости, но все-таки это должно быть совместное предприятие между детьми и взрослыми. Так примерно было у нас. Никто нас не давил коммунистической идеологией, не преследовал тех, кто не мыслил в унисон.

Вот нас – ребят, девочек, пионеров и школьников – однажды летом собрали в такой лагерь:

– Ребята, а как вы смотрите на то, если мы организуем у себя клуб «Юный моряк»?

– А как?

– Давайте начнем изучать морскую азбуку, а потом и другие морские предметы.

Мы с радостью согласились, к тому же всем нам было интересно хоть на время почувствовать себя настоящими морскими волками. Всем участники сборов «Юный моряк» выдали тельняшки, как моряки называют эту фуфайку – тельник.

Утро у нас в лагере начиналось с общего построения. Происходило это примерно так. Кличет меня начальник лагеря и говорит:

– Товарищ вахтенный начальник?

– Есть! – стремглав бегу к нему, на ходу поправляя тельняшку.

– Через две минуты свистать большой сбор!

– Есть через две свистать сбор!

Громко свищу в дудку – ко мне из всех палаток и домиков устремляются десятки босоногих загорелых ребят. Сперва мы шли на завтрак в столовую, а затем под руководством специалистов с увлечением знакомимся с военно-морским делом, готовились к сдаче норм, купались в море, загорали, играли в мяч, как самые обычные дети, вечером пели песни у костра. С другой стороны, школа юных моряков стала для меня, мальчишки, первым испытанием характера, закалила, дала полезные знания и практические навыки, которые пригодились в дальнейшей жизни.

А тогда – в далеком 1936 году – я мечтал получить за-

ветный значок «Юный моряк». В нем было, кажется, восемь или девять норм. По первой норме требовалось, чтобы юный моряк знал и мог указать морские, речные границы, моря, каналы и главные реки. По второй норме юный моряк должен был рассказать о морских кораблях, их назначении и вооружении, по третьей – уметь разбираться в компасе, и так далее. Уже через месяц у меня как от зубов отскакивала информация, что крейсер имеет меньшее водоизмещение, чем линкор, большую скорость, что броня у него не такая толстая, а его основное назначение нести дозорную и разведочную службу и охранять свои торговые суда на морских путях. Готовясь стать юными моряками, мы изучали устройство морского компаса (с ударением на второй слог, как говорят моряки), чтобы иметь понятие, как корабль находит верный путь у берегов и в открытом море. Учились определять координаты судна – широту и долготу.

Но особенно мне была по душе морская азбука – семафор, которая применяется в качестве средства связи между кораблями на близких расстояниях. При помощи двух флажков сигнальщик передает знаки, которые при хорошей, ясной погоде можно разобрать на дистанции до двух миль. Например, сигнальщик поднял руки в стороны. Это означает букву «Т». Если правая рука поднята вверх, а левая опущена вниз – букву «И», и т. д. Передав весь текст, надо было послать сигнал окончания передачи: для этого буква «И» передается несколько раз подряд, то правой рукой, то левой. В

качестве средства сигнализации у моряков используются и сами флаги. Одному флагу или целому сочетанию присваивается определенное значение. Эти слова и фразы собраны в своды сигналов: одно-, двух- и трехфлажные. В нашем лагере «Юных моряков» мы должны были уметь принимать и передавать семафором не менее тридцати знаков в минуту. Так это понравилось, все увлеклись. Весь лагерь ходил и друг другу семафорил.

Кроме того, каждый юный моряк должен был уметь вязать нехитрые морские узлы: прямой, брам-шкотовый, беседочный, рифовый. Во время летних каникул мы также сдавали нормы по плаванию и гребле на шлюпке. Все это давалось мне довольно легко. Плавать к тому времени я уже умел и проплыл пятьдесят метров без особых усилий.

Последним, и самым серьезным, этапом испытаний выдался однодневный шлюпочный поход. К участию в походе допустили только тех, кто успешно сдал основные нормы. Руководил походом опытный инструктор, имевший право управления шлюпкой на веслах и под парусом. Он договорился с рыболовецким совхозом, который выделил нам парусные лодки. И вот вечером у костра он объявил нам: «Все, завтра выходим в море!» Как же мы были счастливы, Сережа! Мы идем в море как самые настоящие моряки!

Вот мы и подошли к кульминации повествования. Поставив паруса «бабочкой», мы шли на лодке вдоль восточного побережья Азовского моря. Наш инструктор сидел на руле

и зорко смотрел вперед. Погода вначале была хорошая, дул попутный ветер. Затем облака сбились в кучу, подула «низовка» – так называют здесь юго-западный ветер (названий ветров на Азовском море было всегда много: трамонтана, низовка, гирловой, сгонный, левант и другие, более редкие, названия которых я уже позабыл...). Нельзя сказать, что он был особенно сильным, но море Азовское хоть и мелкое, но сердитое: быстро поднялась большая волна, появились пенные барашки, вода захлестывала суденышко. Когда лодка накренилась на бок, мы с товарищами по команде инструктора стали срочно спускать парус, чтобы избежать переворачивания. Тут в борт с силой ударила волна, часть рангоута, к которой крепился парус, покачнулась и врезала по головам, да так сильно, что мы чуть не улетели в море. Увидав это, один наш приятель совсем было пал духом, начал отчаянно семафорить на берег оставшимся в лагере: «СПАСАЙТЕ! УПОТАЕМ!» Не утопаем – «употаем».

Приняли там наш сигнал бедствия и передают в ответ: «УСПОКОЙТЕСЬ, ЭТО СКОРО ПРОЙДЕТ», потому что знали, что долго так не будет.

Так оно и произошло – мы благополучно пристали к берегу. Чуть позже нам вручили заветные значки «Юных моряков». На торжественной церемонии начальник лагеря говорил, что в Военно-морской флот страна посылает своих лучших патриотов, что юные моряки вырастут и встанут в их ряды, что мы достойная смена нашим краснофлотцам...

Но моя душа была уже накрепко невидимыми морскими узелками связана с небом, с авиацией.

«Сталь» – спортивное общество металлургов Юга

Футбол – тоже отличная школа характеров.

Футбол закаляет волю и нервы не только повышенной эмоциональностью победных мгновений, но и горечью неудач, упорством к победе и, главное, – умением чувствовать себя частью большой команды. Ведь на поле не только ты один с мячом, а еще десять твоих боевых товарищей, без которых победа невозможна.

Футбол в Мариуполь завезли англичане, родоначальники этой игры. Пока корабли грузились добротным донбасским антрацитом в порту, английские моряки проводили футбольные встречи на арендованном ими велодроме. Эту игру темпераментные южане сразу же полюбили. Играли в нее и при царе, и во время Гражданской войны, и после, когда футбол стал массовой игрой. При крупных мариупольских предприятиях стали образовываться свои футбольные команды. Мне запомнился 1934 год. В чемпионате города, который проходил в течение месяца, с июня по июль, победителем стала команда порта, вторыми – ильичевцы, третьими – спортсмены из какого-то треста, чье название не отложилось в моей памяти. К 1936 году в городе были построены стадионы завода им. Ильича, спортобщества «Сталь», стро-

ился стадион «Азовстали».

Самый ближайший к нашему поселку Гуглино был стадион завода Ильича. Туда на все матчи мы бежали вдоль железнодорожной насыпи. И по окончании матча так же бежали назад. Можно сказать, что у нас был такой своеобразный мальчишеский ритуал.

Тогда же команда города дебютировала в официальном всесоюзном турнире. Первый розыгрыш Кубка СССР. К нашему величайшему сожалению, «Сталь» проиграла с разгромным счетом 0:5 динамовцам Кривого Рога. Это был черный день, день общегородского траура...

Но я несколько отклонился от своего рассказа. Там же, на стадионе, мы записались в коллектив спортивного общества «Металлург Юга». Приняли нас и на все различные мероприятия (массовки, парады, открытие спортивных состязаний) нам выдавали гимнастерки, мячики и спортивные трусы с эмблемой общества. Тогда и городские власти, и общественные структуры были заинтересованы в физическом воспитании молодежи, чтоб ребята не шлялись где попало и с кем попало, а занимались спортом.

Сам я играть в командный футбол стал благодаря случаю. Стояли теплые погожие дни весны. У нас в школе проводились соревнования по футболу между старшими классами. Играли тряпичным мячом – кожаных тогда и в помине не было. Я сидел на скамье и следил за игрой. Меня еще не принимали в игру по возрасту. Команда, за которую я болел,

проигрывала 2:1 технически более сильному сопернику. Перед перерывом началась очередная атака противника. Вдруг полузащитник команды, за которую я болел, упал на траву, схватившись за колено. Когда игрок покинул поле, едва сдерживая слезы, ко мне подбежали ребята. Они знали, что я занимался спортом и пытался играть в дворовой футбол.

– Послушай, Клим, выручай! Может, ты сыграешь?

– Да что вы, ребята, – попытался отмахнуться я, – я ведь никогда не играл в командный футбол.

– Ну и что с того? – выступил вперед капитан команды старшеклассников. – Раньше и мы не умели играть. Все с чего-то начинаем. Клим, ты маленький, юркий – давай мы поставим тебя вингером?

– Кем-кем? – переспросил я, услышав незнакомый иностранный термин.

– Правым крайним нападающим. Это мозговой центр команды. У тебя какая ударная нога?

– Правая.

– Вот и отлично! Давай мигом меняйся одеждой с Петей, травмированным полузащитником, – и на поле.

Я вышел на замену во второй половине игры и под занавес встречи, за три минуты до истечения основного времени матча, сравнял счет...

Так футбол вошел в мою плоть и кровь. В него я играл всю сознательную жизнь: в школе, в военном училище, в гарнизонах, где приходилось служить. Получалось вроде неплохо,

но в команды мастеров никогда не рвался. Со временем возникло понимание, как поется в одной песне: «Нужны в футболе не только ноги, нужна в футболе голова».

В зрелом возрасте я плавно перешел в ряды футбольных болельщиков и до сих пор переживаю за исход каждого футбольного матча так, словно вопрос стоит о судьбе мировой цивилизации. У меня даже есть такое шутивное стихотворение о футболе и футбольных болельщиках:

*На футбольном поле мы сидели рядом,
шла на поле жаркая, упорная борьба.
«Я тогда болела очень за „Динамо“». —
«Я страдал не меньше, но за ЦСКА».*

*Мы оба болели, мы оба страдали,
подумайте сами: финал.
«Я вашу команду на смех поднимала». —
«Я вашу на свист поднимал!»*

*Мы были совсем не знакомы,
и кто бы подумал, что, днем
вдруг встретившись здесь, на футболе,
мы ссорой знакомство начнем!*

Грек Христя, запуск ракеты и другие изобретения

Так уж устроена человеческая память, что чем дальше отдалаются от нас плохие вехи детства, тем ярче и светлее его хорошие моменты. Мы удивляемся, что помним о детстве только хорошее, а в этом, может быть, и заключена высшая человеческая мудрость. Я вот до сих помню родных, их взгляды, улыбки, голоса, помню своих сверстников. Детство выцветает, выдыхается, но не забывается. А иногда для этого достаточно легкого толчка, например встречи с давним другом, чтобы освежить самые заветные и светлые воспоминания.

Уже после войны мы приехали как-то в Мариуполь с Катюшей, и я ее повел показывать наш дом, где когда-то жил с родителями. Показываю, а у соседнего дома человек сидит на лавочке, пригорюнившись, разглядывает свои ноги. Проходим мимо, вдруг он меня окликает:

– Витька! Ты меня не узнаешь?

Гляжу я на него и говорю:

– Христя, неужели это ты?

– Я, – отвечает. – Думал, ты меня не признаешь, столько лет прошло...

Это был приятель моего мариупольского детства, моих

детских игр – Христофор. Во дворе мы все его называли просто Христей. Был он греком по национальности. На губах его редко можно было увидеть улыбку, в глазах веселье. В детстве с ним произошла трагедия. Один парень – у него был перочинный ножичек небольшой, – как бы шутя, во время игры ткнул его сзади. Шутка вышла боком – лезвие попало между позвонков прямо в нерв. В результате у Христи отнялись ноги, и он стал инвалидом.

– Юла пана эн кала, юла кала ки панда кала, Витя. – Он неожиданно заплакал. – Сас ту легорумеика, ты же должен немного помнить по-гречески...

У меня перехватило в горле. Я обнял его, прижал заросшее колючее лицо грека к своей груди:

– Конечно, все всегда будет хорошо, Христя, успокойся, я еще помню по-гречески: «Калимера!»

Постепенно, слово за словом, с трудом мы разговорились. Он засыпал меня вопросами: где я, чем занимаюсь, обзавелся ли семьей. Я ответил, что окончил летное училище, воевал, служу на Севере, женат – представил ему Катюшу – и папа двух очаровательных дочурок.

Христя мне рассказал, что войну они пережили трудно, особенно немецкую оккупацию, длившуюся почти два года. В октябре 41-го Мариуполь покинули отступающие советские войска. Никакой обороны города не было. С приходом немцев начались грабежи и расстрелы, многие из наших общих знакомых погибли или были угнаны на работу в Герма-

нию. С наступлением холодов пришел голод. Христя был вынужден торговать табаком на поселковом рынке, чтобы выжить и хоть как-то помочь своей матери и малолетним братьям. Уходя, немцы разъезжали по городу на мотоциклах с факелами и поджигали дома...

Рассказал Христя и о судьбе других наших общих знакомых и друзей, с которыми я когда-то учился (с некоторыми я позже и сам встретился в Мариуполе): Вова Орехов, Иван Волошкин, Коля Беркалов. Кто-то из них был пленен, кого-то насильственно вывезли на работу в Германию. После войны вернулись, судьба их, по словам Христи, сложилась благополучно: никого ни в какие лагеря, ни в какие леса не посылали. Вова Орехов окончил институт, на секретном заводе «Тяжмаш» работает в конструкторском бюро. Иван Волошкин – жил неподалеку от меня в поселке Гуглино – бригадир на «Азовстали», Беркалов тоже отучился, трудится на заводе.

Я уже собирался поблагодарить Христю за хорошие новости о судьбе товарищей и попрощаться, как он вдруг говорит:

– Ох, Витька, до сих пор мы все тебя вспоминаем – вот был у нас парень-инженер...

Наша беседа снова затянулась надолго, пока Катюша не увела меня наконец от лавки...

Действительно, техника мне нравилась с детства: я всегда что-то мастерил, придумывал, хотя, конечно, никаким

инженером я не был. Началось все так: по соседству с нами жил настоящий инженер, молодой парень, работавший на заводе Ильича электриком. Вот он меня и прирастил к технике. Любил он после работы возиться с нами, поселковой ребятней, прокаленной азовским солнцем, мечтал вырастить из нас людей толковых, энтузиастов-изобретателей. Однажды собирает нас и говорит: «Знаете, а давайте построим ракету. Ну, самую-самую настоящую. Кто хочет?» Мы все дружно руки вверх потянули. Нашли гильзы от ружья, набили порохом, вставили одну в другую, сделали самодельную ракету. Привязали ее к дереву, бикфордов шнур провели, подожгли, отбежали, и она – пф-ф-ф – с шумом взлетела ввышину.

Запускали мы ракету на пустыре, рядом с домом наших родственников Геращенко. Своей занятостью мы давно должны были бы вызвать тревогу у тети Анюты, мирно копошившейся в саду с цветами. Но тетя проморгала момент запуска ракеты. Новейшее достижение нашей технической мысли, описав в небе дугу, с грохотом обрушилось в огород Геращенко, подняв гору песка и до смерти перепугав бедную тетюшку. Для некоторых юных изобретателей, в частности для моих двоюродных братьев Толи и Володика, последствия штурма неба были не очень благоприятными. Я же вовремя успел ретироваться с пусковой площадки... Скажу прямо: ракету мы очень удачно сконструировали. Сейчас бы я такую и не сделал.

Проявлял я техническую смекалку и в детских играх, и в работе по дому. Например, играем мы в казаки-разбойники, разбились на две команды. Все «разбойники» разбежались, по правилам игры, в том числе и я, а «казаки» начали нас искать. Ловят всех, кроме меня. Нет Вити Климова, и все! Кричат: «Клим, Клим?!» Они опять все разошлись, а я раз – и первый подбегаю к дереву, где у «казаков» был «штаб», и первый стучу по нему – соответственно, наша команда выиграла. Побегают ко мне «казаки»: «А ты где был?» А я был совсем рядом, над ними – на столб залез, стальную проволоку обкрутил вокруг ног наподобие лап электрика и сидел. Они внизу бегали, а я наверху терпеливо ждал, когда они разбегутся, чтобы подгадать момент. А прятаться по правилам можно где угодно.

Другая ситуация. На огород как-то собрались все: папа, мама, дядя с тетей; берем две тяжелые тачки. Должны были везти их мы с братом Володиком Геращенко. Говорю ему:

– Володь, давай поедем?

– Как?

Отвечаю ему:

– Просто.

Я взял и соединил тачки проволокой, приладил к ним педальки. И вот представь себе картину: взрослые тащатся с лопатами и мотыгами на плечах под палящим солнцем, а мы с братом с ветерком катим по дороге.

Трудовые навыки и смекалка сильно помогли мне в годы

учебы в школе пилотов и летном училище. Полет, Сережа, – это вершина большого земного труда и, прежде всего, знания и понимания техники.

«Горожанин» в Липецке

Любой переезд – это новая жизнь, новое начало.

В 1938 году родители объявили мне и сестре Руслане, что мы переезжаем из Мариуполя в какой-то Липецк. Название города мне ни о чем не говорило, лишь вызывало смутные ассоциации с липами, медовым духом, цветущими садами. Я спросил отца, где находится этот город. «В Воронежской области», – ответил папа. Каждая лишняя фраза – новый вопрос с моей стороны. Но папа твердым голосом сказал, что переезд – дело решенное и Липецк – неплохой город. Тихий, уютный, зеленый. Климат там мягкий, больше подходит для здоровья матери. В городе много предприятий, и ему подходящая работа найдется.

Конечно, было жалко расставаться со школой, с верными друзьями, но и новая жизнь казалась интересной, особенно когда отец начинал фантазировать о том, как мы, наконец, обзаведемся не съемным, а собственным домом и садом...

Дорожные издержки и хлопоты воспринимались нами как должное – мы привыкли к кочевой жизни и были счастливы, потому что впереди нас ждала дорога. А нет ничего прекраснее в детстве, чем это тревожное, сквознячком обжигающее душу ощущение предстоящего путешествия.

Липецк некогда был уездным городом Тамбовской губернии. Он раскинулся по обоим берегам реки Воронеж. Глаз

радовали разноцветные степи, высокие холмы, над которыми возвышался красивый собор. Сам город был тихий, маленький по контрасту с Мариуполем и, в общем-то, уютный, особенно в пору, когда по весне утопал в зелени и цветах. До революции он был известен главным образом своими целебными грязями и минеральными водами. Давным-давно закрылись железоделательные заводы, созданные по указу Петра I для нужд строившегося российского флота, заглохла слава липецких лечебных вод. Правда, сохранился старинный остроугольный памятник царю, который горожане насмешливо называли «зубочисткой Петра Великого». Оттуда, с холма, виднелись возвышающиеся на левом берегу реки Воронеж корпуса и заводские трубы металлургического завода. Дымное марево висело над скучившимся городком. Таким нас встретил Липецк. Таковы были мои первые впечатления.

Липецк в то время насчитывал примерно шестьдесят тысяч населения. Он был сравнительно промышленным городом: здесь уже начал набирать обороты Новолипецкий металлургический завод. Строительство этого завода, именуемого за масштабы и новаторство Липецкой Магниткой, началось в начале тридцатых, затем был построен труболитейный завод, радиаторный, тракторный, силикатный. Преобразился старый Сокольский завод, гордо именуемый «Свободным соколом», который давал не только чугун, но и больше половины всех выпускаемых в стране водопроводных труб.

Вместе с ростом промышленного производства на моих глазах рос и заметно менялся внешний облик Липецка.

Город лежал на холмах, рассеченный рекой, как кривым турецким клинком, неравномерный в своих частях. Одна часть была более или менее благоустроенная. Это, если мы говорим про самый центр, – от Коммунальной площади до Площади Революции. В этом районе находилась купеческая, хорошо обжитая часть старого Липецка. Старинные двухэтажные купеческие дома, почти в каждом окне с деревянными, резными наличниками – герань. Здесь вполне могли бы жить герои Александра Островского или Глеба Успенского. Еще в начале XX века окрестные улицы были замощены и хорошо освещены, а в 30-х годах здесь проложили асфальт, началось благоустройство прилегающего Нижнего парка.

По окраинам Липецк все же больше напоминал мне деревню – почти половина домов были деревянными, крытыми обычно прямой соломой. Мусора и грязи на дороге хватало. Конский навоз устилал плохую брусчатку сантиметровым слоем дурно пахнущей жижи, но весенние ручейки, что текли по улицам, смывали ее. Конец города был в том месте, где сейчас находится Центральный рынок, а от железнодорожного вокзала и до Сокола шла улица «Одноличка», по другой стороне которой был Быханов сад. Как помню, жила на ней фамилия Бессоновых и еще три или четыре семейства – вот и вся улица до Сокола.

Мы вначале на Соколе сняли угол. А потом папа купил

мазанку на Спиртзаводе¹⁵. Ну, не мазанку, но и полноценным домом это строение никак нельзя было назвать. Скорее, это был своего рода амбар, обмазанный снаружи и внутри глиной от пожара и для утепления, а сверху крытый соломой. Это потом, уже после войны, мы привели дом в божеский вид. Отец попросил: «Витя, помоги построить дом». Вдвоем с Русланой помогали деньгами, дом довели до ума. Папа потом все любил повторять фразу: «Вот эта половина дома – ваша, другая половина – Руслане».

Надо сказать, что сама жизнь коренным образом изменила липчан. На стройку заводов потянулись выходцы из поселков и окрестных деревень вместе со своими семьями. Они принесли с собой не только особый акающий говорок, но и грубоватые крестьянские нравы с недоверием к любым приезжим. Была такая своеобразная полугородская-полудеревенская среда на Спиртзаводе, да и в Липецке в целом. Как точно подметил поэт Демьян Бедный:

*В Липецке – липы, липы,
В Липецке – липовый дух,
В Липецке тины, тины...
Ух-х-х-х!*

Это я в полной мере почувствовал на себе, когда влился

в новый для себя школьный коллектив. В моей памяти шумный класс. Посередине я, новичок, – настороженный, колючий, готовый к отпору. За столами ученики – десятки пар внимательно-любопытных глаз. По взглядам, которые они бросали в мою сторону, я почувствовал, что понравился девочкам и вызвал любопытство и настороженность мальчишек. На перемене ребята спрашивают: «Ты новичок?» Я говорю: «Новичок». Они ничего не сказали мне, но сразу против меня группа организовалась.

Оказалось, что в классе процветал культ силы и неприязни к чужакам. Я же себя в обиду не давал – отвечал жестко, умел за себя постоять, несмотря на маленький рост, и никогда не жаловался родителям или учителям. Невозмутимое спокойствие, с которым я встречал своих противников, возымело свое действие – все обидчики и забияки вскоре от меня отстали. Для них я долгое время оставался «не своим», чужим. Из-за моего внешнего вида, отутюженных брюк, независимой манеры поведения и правильной, книжной речи.

Я никогда не называл огород «садом», при объяснении направления или места употреблял предлог «в», а не «на», говорил «хочешь», а не «хотишь» с ударением на второй слог, называл свеклу свеклою, а не «бураком». Различие состояло и в том, что я предпочитал ботинки сапогам, считая, что сапоги, как правило, служат рабочей обувью.

Позже выяснилось, что предметом горячей зависти

сверстников был мой значок Ворошиловского стрелка, красовавшийся на лацкане пиджака. Его вручили мне в День Красной Армии за выполнение стрелковых норм в юношеской секции. В мариупольской школе в Гуглино не было малокалиберного оружия, и военрук взял на себя ответственность: мы стреляли из настоящего, боевого. У меня очень хорошо, здорово это пошло. И я получил «Ворошиловский стрелок» – он был престижен не меньше, чем, скажем, орден Красного Знамени. Ни у кого из моих липецких однокашников такой регалии не было.

Первое время однокашники дичились меня и держались в сторонке. Но, видя, как я серьезно и с увлечением относился к учебе, никогда не отказывал в помощи или совете, если, например, требовалось решить какую-то задачу по математике или физике, прониклись ко мне уважением: стали подходить, расспрашивать, о себе рассказывать. Вскоре отношения с соучениками наладились. В шестом да в седьмых классах вместе с нами одноклассниками учились и великовозрастные парни и девчата, порою старше на несколько лет. Я всегда тянулся к старшим – с ними было интереснее, стали ходить везде вместе.

Играем мы как-то в бильярд. Я бью. Удар! Шары брызнули в разные стороны. И мне один мой новый приятель говорит: «Бильярд – это тебе не просто игра в мячики, ну ты и деревня!» А я так тихо, но чтобы все слышали, отвечаю: «Город – не деревня, житель города – горожанин». С тех пор

приклеилось ко мне прозвище «горожанин».

От одноклассников – своих новых друзей – я узнал, что Липецкий аэроклуб объявляет очередной прием курсантов. Тайком от родных и друзей подал туда заявление. Трудно было совмещать занятия в школе, аэроклубе и спортсекциях, а еще и в театральном кружке. И все-таки я уже видел себя одетым в форму летчика.

На летном поле липецкого аэродрома, в аэроклубе Осоавиахима начался мой путь в небо...

«В августе началась и агитационная кампания по набору курсантов на 1940/41 учебный год. В одной из своих докладных записок начальник Липецкого аэроклуба майор Карл Карлович Керро так описывает организацию очередного набора курсантов:

„– 13–15 августа – разбросаны листовки;

– два выпускных вечера в гортеатре с приглашением молодежи города;

– три собрания, посвященных проводам призывников в Красную Армию;

– 35 бесед и собраний в учебных, производственных учреждениях города;

– два доклада начальника аэроклуба на бюро Горкома ВЛКСМ и военного отдела Горкома ВКП(б);

– расклеено 150 объявлений о наборе по городу, учебным и производственным учреждениям. Кроме этого, в каждом из

этих учреждений объявление о наборе выполнено в большом размере на фанере.

Весь контингент учащихся 10-х классов средних школ и 3-х курсов техникумов в количестве 241 чел. был пропущен через предварительную мандатную и медицинскую комиссии. Учащиеся 9-х классов средних школ и студенты 2-х курсов техникумов, подходящие по возрасту, охвачены на 85–90 % и пропущены через медкомиссию. Остальные от поступления в аэроклуб отказались по разным причинам. Также охвачены стахановцы производства предприятий города (61-й завод, Ново-Липецк, Св. Сокол).

В итоге комплектования на 27 октября аэроклуб имеет годных к обучению в аэроклубе по Липецку 75 чел. “.».

Среди юных пилотов липецкого клуба Осавиахима был и девятиклассник В.Н.Климов.

К летчикам в Липецке всегда было особое отношение: их любили, сволнением 18 августа отмечали день Воздушного флота СССР – это был большой городской праздник. Об этом свидетельствует репортаж газеты «Липецкая коммуна» «На аэродроме»: «К 10 часам... собралось свыше 10 000 человек. Каждый с нетерпением ждал начала парада.

В 11 часов 45 минут на мачте взвились два флага: белый и красный. Это сигнал для командно-политического и рядового состава аэроклуба: „Выстроиться и приготовиться к параду“.

12 часов. Генерал-майор Васильев в сопровождении ру-

ководителей городских партийных, советских и комсомольских организаций направляется к выстроившимся в две шеренги будущим летчикам и их воспитателям. Капитан Керро отдает рапорт. В ответ на поздравление с Днем сталинской авиации учлеты и инструктора аэроклуба отвечают дружным – ура!..

На площадке аэродрома, перед трибуной, – учебные самолеты. Один за другим они выруливают на линию старта. Начинается воздушный парад. Вот три звена самолетов взмывают в небо. Сделав большой круг, они проходят над трибуной, перестраиваются в воздухе и снова уходят по кругу, потом звенья идут в пеленге, вновь перестраиваются и снижаются на посадку.

Оторвавшись от земли, круто набирает высоту еще пятерка самолетов. Их ведут лучшие летчики аэроклуба – старший лейтенант Нипрон, начальник штаба Григорьев, командиры звеньев Пискунов и Екимов, инструктор-летчик Якубенко. Пятерка делает фигуры высшего пилотажа.

...В воздухе мощная машина П-5. За ней на длинном канате – планер... Высота 1500 метров... Освободившись от буксира, планер свободно парит в небе. Искусно управляет им тов. Чумаков. Вот планер, развернувшись по кругу, делает „штопор“. И кажется, что ничем нельзя удержать его падения. Но он, послушный человеку, плавно выходит на ориентир и сам набирает высоту. Потом перевертывается в петлях, кружит над аэродромом, стремительно несется

вниз и мягко опускается около трибуны.

На фоне черной пашни белеет домик. Это „важный объект противника“. Над ним проносится звено самолетов... Домик окутывает густое облако дыма, из него вырывается столб яркого пламени, слышится взрыв... И когда ветер относит черное облако, на поле ничего нет. Так советская авиация поступает с врагом, осмелившимся посягнуть на нашу родину. Воздушный парад завершило звено самолетов, сделавшее несколько сложных фигур высшего пилотажа»¹⁶.

Из книги С.Ю.Ковалева «Липецкий аэроклуб Осоавиахима имени Водопьянова»

Липецкий всемирный потоп

Согласно Библии, история самого человечества берет начало от Всемирного потопа после сорокадневного дождя. Теперь мы шуточно называем всемирным потопом любой сильный и длительный дождь, каждое наводнение. Почти такой же всемирный потоп каждый раз по весне происходил у нас в Липецке до войны. Сейчас, если в городе прошел дождь, вы свободно можете попасть на левый берег, а во время моей юности дождь или весеннее половодье приводили к тому, что части Липецка оказывались оторванными друг от друга.

Можешь, Сережа, судить сам: мы, ребята со Спиртзавода, кто еженедельно, а кто и пару раз в месяц, ходили в драматический театр. Ходили пешком через весь город, через четыре моста. Весной, как правило, их сносило, заливало все. Была одна общая водная гладь между двух берегов, покрытая мелкой рябью. Вместо Ноева ковчега ходили катера, которые буксировали баржи с людьми, грузами и всякой живностью. Те, кто не смог попасть на борт, по многу часов ожидали на берегу. Пассажиры тонули по колено в грязи, бредя от пристани.

Паводок в Липецке каждый раз напоминал борьбу со стихийным бедствием. О серьезности проблемы говорит и тот факт, что исполком Липецкого горсовета принимал специальные постановления о мерах по борьбе со стихией во вре-

мя половодья. Людей заранее отселяли из зоны подтопления, параллельно выделялся поезд, который курсировал между заводами и железнодорожной станцией Липецк.

Весной 1941 года река вскрылась в апреле, людей вывозили на лодках, отселяли. И все равно это не спасало: затопляло всю нижнюю часть улиц Первомайская, Октябрьская, Калинина – одну из окраинных улиц города, и Толстого до пруда в Ключах, и половину пригорода Студёнок, поселок Дикое. Река Липовка заливала в половодье огороды и сады. Еще хуже было, когда вода отступала: улицы города были захламлены, та же Коммунальная площадь напоминала поля боя – со рвами для отвода воды, кучей щебня и навоза. Все в грязи было у Новолипецкого завода, где было много коровников, и на Спиртзаводе...

Сейчас в это трудно поверить. Быстро летит время. Город поднялся ввысь, расправил плечи. Теперь, глядя на громадный, нарядный, процветающий Липецк, невозможно представить, каким был он тогда – в дни моего детства. Больше никакие потопаы ему не страшны.

Любовь первая – она же последняя

Первая любовь. Что считать любовью? Интерес к противоположному полу появился у меня лет в двенадцать, еще в Мариуполе: снились одноклассницы. Там девушки быстро расцветают и созревают под горячим южным солнцем.

Помню одну из них – Маркахай, яркая гречанка романтической, жгучей красоты. Вторая была Гирей, красивая белокурая немка со стройными ногами. Рядом с их пышными, почти женскими фигурами я смотрелся просто комически. Хорошие девчонки, но мы, мальчишки-одноклассники, для них не котировались. Кстати, обе по окончании седьмого класса быстро вышли замуж.

Только в Липецке наступил момент, когда мне показалось, что я по-настоящему влюбился, и Катя Погорелова ответила мне взаимностью.

Было это так. Вначале я подружился с ее двоюродным братом Колей Кузнецовым. В сквере Спиртзавода собирались подростки, баловались, дурачились. Я сидел и читал книгу. Помню, подошел парнишка и спросил: «Ты что, самый умный? Почему с нами не играешь?» Говорю, что читаю интересную книгу Жюль Верна. С этого все и началось. Собрались вокруг меня, устроили «избу-читальню». На следующий день уже собралось больше ребят, пришли и девочки.

Вот тогда, Сережа, я и увидел впервые твою бабушку [14].

До встречи с ней все больше обращал внимания на кареглазых, жгучих девочек. А здесь сидит передо мною голубоглазая, светловолосая... Взгляд умный, море обаяния. Я и пропал. Несмотря на свой совсем юный возраст, она была очень смелая, решительная, артистичная. Не терпела лжи и несправедливости. Таких, как она – моя Катюша, я не встречал ни до, ни после. При встрече с ней я становился остроумным, старался насмешить, вычитав где-то, что для того, чтобы добиться внимания женщины, надо ее поразить или рассмешить. Так постепенно развивался наш школьный роман, который перерос в глубокую и взаимную любовь.

Это светлое чувство прошло через всю мою жизнь и сохраняло меня в самые трудные минуты. Военные годы разлучили нас, но чем больше я отдалялся на расстоянии, тем сильнее мне хотелось быть вместе с Катюшей. Когда я приезжал к ней в короткие часы увольнений, мне хотелось поговорить о нашей будущей жизни, учебе, найти в ней настоящего верного друга, и я чувствовал в ее словах отклик моим мечтам. Тогда я впервые понял, какое это прекрасное чувство – любить кого-то!

Потом были письма. Простые солдатские письма-треугольники, от которых веяло переживаниями, тревогой друг за друга, горечью неудач и первыми радостями побед.

В мае 1944 года, в самое трудное время, когда еще шла война, мы стали мужем и женой и прожили вместе полвека. Мы были 64-й парой, заключившей брак в мае. Под этим

же номером нам и было выдано свидетельство Липецкого городского отдела регистрации актов гражданского состояния.

Та первая любовь – последняя. Наше светлое чувство любви мы не расплескали по дороге жизни, бережно и осторожно пронесли его через годы. В память о ней, о нашей совместной жизни я написал такое стихотворение. Послушай его:

*Сорок лет мы с тобою вместе
рука об руку, плечо к плечу,
тебе не пришлось, как сегодня невесте,
быть разодетой в шелка и парчу.*

*Не было дворцов, где браком сочетаются,
не было музыки для в зал входящих,
не было главного, как сейчас считается, —
стоглазой толпы, обо всем судящей.*

*Не было лентами «Волг» разувешанных,
не было криков «Горько!», «До дна!»,
и подарков не было свадебных, бешеных,
что на поднос кидают спьяна.*

*Не дарили ключей нам от комнат роскошных,
не дарили ковров нам персидских, ярких,
свой первый барак, всю перекошенный,
мы в сердце храним как лучший подарок.*

Мальчики из 10-го «А»

Сколько лет прошло с тех пор, как я окончил школу, но время учебы в ней память хранит очень крепко. Иногда кажется, что я помню каждый день, проведенный в ее стенах. Я учился в разных школах – в Ростове, Мариуполе, – но ни об одной из них не мог сказать: она лучше моей липецкой. И вот почему: наши наставники были не просто воспитателями, «урокодателями». Настоящими старшими товарищами, друзьями молодежи. Вместе с ними мы, мальчишки и девчонки, помогали строить вторую доменную печь, вместе с ними сажали сады и парки, вместе с ними веселились. Очень хорошо помню кружки, которыми они руководили. Географический, литературный, драматический и самый любимый – «Ворошиловский стрелок», где мы учились стрелять и скакать на коне.

Как ни хотелось верить в войну, но все мы чувствовали, что может наступить грозное время для нашей страны. Поэтому в 1938 году, когда комсомол бросил клич: «Дадим стране миллион летчиков», все до одного мальчишки нашего 10-го «А» записались в аэроклуб.

Я уже тебе говорил, что я тянулся к ребятам старше моих лет. Был у меня такой товарищ Ваня Кукишев, года на два-три меня старше, уже самостоятельный. Он учился на электрика в школе при заводе «Свободный сокол». С ним у меня установились отношения старшего брата с младшим. Ваня был главный заводила всех наших приключений, неисто-

щимый на выдумки забавник. Он первым проторил дорогу в небо: по любознательности записался в аэроклуб. Следом потянулись остальные ребята из нашей компании и мои одноклассники. Вместе с его братом Сашей, кстати, меня призывали в армию, в 6-ю школу ВВС. Ваня хранил в сердце верную и горячую любовь к авиации, мечтал стать летчиком-истребителем. Перед войной он поступил в Борисоглебскую военную авиационную школу пилотов. Весной 1941 года перед отправкой на службу в Ленинград он заезжал на побывку в Липецк. Ваня много и увлекательно рассказывал о своей учебе в Борисоглебске, так что я сам загорелся желанием попасть именно туда. Во всем Ваня был первым. Погиб он тоже одним из первых в декабре 1941 года...

Липчанам, особенно юным, теперь трудно представить, что на месте нынешних стадиона и парка Сокольских металлургов было летное поле. Именно там и совершались первые шаги в небо липецкой молодежи. Летали курсанты на «уточках» – учебных самолетах У-2. Полеты, как правило, проводились с четырех утра. К семи курсанты уже торопились в цеха заводов или на занятия в школы...

Большой популярностью у нас, тогдашних старшеклассников, пользовались школьные кружки: планерный, парашютный и другие. Первые свои прыжки осоавиахимовцы, в том числе и я, совершали с парашютной вышки, что стояла в скверике на площади Революции, возле кинотеатра «Октябрь».

Никогда мне не забыть тех дней, когда мы, комсомольцы, в осоавиахимовской форме (она была очень красивая – ладно пригнанная на каждого), с винтовками, к которым полагалось по 25 холостых патронов, и другим снаряжением, с красным знаменем четко печатали шаг по улицам своего города. Маршрут следования проходил через реку Воронеж, по дамбе, по деревянным мостам в лес, который в те времена подступал к самой реке. Там проходили «сражения» между «красными» и «синими».

Часто у нас в школе проводились лыжные марш-броски, звездно-пешие военизированные переходы. Во время походов, лыжных переходов и «боев» мы пользовались противогазами, которые надевали по команде «Газы!».

Да, война началась. На следующий день после нашего выпускного вечера.

Когда меня спрашивают, кто кем из нашего класса стал, я прежде всего говорю о том, что все до одного представителя мужской половины имели военную специальность. Этого потребовала война. Я – летчик-истребитель, Николай Шабалин [15] – авиационный техник, Алексей Мещеряков [16] – военный инженер, и так далее.

Как мы воевали? Мои одноклассники Вячеслав Маркин [17] и Иван Сидоренко [18] стали Героями Советского Союза, Николай Пронин умер от тяжелых ран в 44-м году [19]. Сева Евтихов служил на Дальнем Востоке, воевал с японцами, демобилизовался в том же году, что и я [20].

На глазах Бори Иванова погибли два моих школьных друга – Миша Шкатов [21] и Яша Ермолов [22]. Жизнь Миши оборвалась в бою под Воробьевкой Воронежской области, а Яша погиб 1 мая 1945 года – за день до капитуляции фашистского гарнизона Берлина!

Борис Васильевич Иванов, Боря – участник войны, кавалер ордена Славы III степени, получивший семь ранений, выжил каким-то чудом [23]. Боря очень здорово рисовал. На этой почве мы с ним сошлись и подружились в школе. Даже на фронте Боря умудрялся делать зарисовки. Много лет спустя, на встрече выпускников, он рассказал мне, как все произошло с Яшей. В минуты затишья они сидели с Яшей и разговаривали. Было им весело от предстоящей победы, вспоминали одноклассников и мечтали, как все вместе опять соберемся в родной школе. Яша приблизился к Борису, чтобы прикурить от папиросы, как из-за угла раздался выстрел снайпера. Яша был сражен наповал...

В тот день, когда мы всем классом пришли в военный комиссариат с просьбой взять нас на фронт, на обратной стороне фотографии, на которой были сняты все вместе, Борис написал: «Отмечу дату победы над фашистами 25 мая 1945 года».

Он немного ошибся. Мы победили раньше. А эту фотографию Боря донес до Берлина. От Липецка до столицы фашистской Германии и Китая пролегли фронтовые дороги мальчишек из 10-го «А».

Выпускной

Война поделила жизнь моего поколения на две половины. Это деление будет существовать для нас, пока мы живы, и сегодня мы часто говорим: «Это было до войны... Это было после войны».

В субботу, 21 июня 1941 года, я, как участник духового оркестра, выступал в парке. Еще в школе меня научили играть на слух. Там я получил свою блестящую трубу – корнет-а-пистон. Инструмент вроде бы маленький, но голосистый, мелодичный, его партия располагается в партитуре обычно под партиями основных труб духового оркестра. Свой последний липецкий концерт мы отыграли успешно. И в этот же день мне, первому из класса, пришла повестка в армию.

Узнал я об этом, вернувшись домой, перед выпускным вечером. Это сейчас школьники идут на выпускной, словно на показ мод, а тогда девочки шили нарядные платья, потому что их сложно было купить. Мы тоже старались не подкачать: наглаженные рубашки, брюки со стрелкой, все пуговицы на месте, носки заштопаны, башмаки начищены. Собрались много гостей, директор вручал нам аттестаты и жал ручки как взрослым под аплодисменты.

После небольшой концертной программы – нескольких стихотворений и песен (все, естественно, на патриотическую

тематику) – стулья и столы были быстро сдвинуты к стенам, вынесли патефон, и начались танцы. Танцевали бессмертные вальсы и пытались танцевать танго. Я танцевал со многими девушками, но душа уже тогда была отдана единственной – моей Катюше.

Запомнилось, что все двери и окна были настежь открыты. От дуновения июньского ветра полупрозрачные белые шторы развевались, то приближаясь, то отдаляясь...

Впереди бессонная, счастливая и немножко грустная ночь. Мы, вчерашние десятиклассники, бродили, взявшись за руки, по сонным улицам города, строили планы на перспективу, шутили, смеялись. Боря Иванов жалел, что не успел сфотографировать всех нас вместе. Он планировал на следующий день после выпускного поехать в магазин за фотопленкой. Ему очень хотелось запечатлеть на память наш класс и учителей. Пленку он так и не купил. По дороге услышал о том, что началась война...

К утру компания стала разбредаться. Остались несколько самых верных друзей. Решили купить пару бутылок вина и какой-нибудь немудреной закуски, посидеть, поговорить в тесном мужском кругу. В итоге, подсчитав имеющиеся скромные денежные ресурсы, остановили свой выбор на портвейне «Три семерки», или, по-народному, – «Три топора». Этот так называемый портвейн был далеко не самым качественным продуктом алкогольной промышленности Наркомпищепрома Азербайджана, зато пол-литра «с посудой и

пробкой» стоили в рознице всего 10 рублей с копейками.

И вот на столе, точнее на пеньке в Нижнем парке, появились две бутылки портвейна «Три семерки», стаканы и салфетка на старой газете вместо скатерти. Мы пиروвали и пили за нас, за учителей и родителей, за туманное будущее. Оно казалось мне ясным и безоблачным – летняя школа. В горво-енкомате я уже прошел мандатную и медицинскую комиссии и был отобран среди других кандидатов для службы в авиации.

Дома появился только под утро. Сплю и сквозь сон слышу, как в комнату вбегает мама и прямо с порога громко кричит: «Сынок, вставай – война...»

«Повзрослели ребята – и ничего больше личного»

Безусый парнишка, наголо подстриженный, с круглой головой, торчащими ушами – таким я был после похода в военкомат.

Помню: были спешные сборы, слезы матери, а отец, прошедший войну, был серьезен и немного угрюм.

На следующее утро провожали меня всей семьей: пришла Катя и одноклассники. Сборный пункт военкомата находился в районе площади Победы, неподалеку от кинотеатра «Спутник» – тогда окраины города. Оттуда воинские эшелоны в основном отправлялись на Воронеж, в сторону Орла или на сортировочную станцию Грязи. Шли мы долго пешком. По дороге мне бросилась в глаза явная абсурдность текстов рекламных афиш о «последних трех днях смеха» – представлениях труппы Госцирка и гулянии в Парке металлургов Новолипецкого завода с фейерверком.

...Одиночки и небольшие группы призывников и добровольцев заполняли всю площадь вокзала. Я не сразу нашел свою группу – таких же выпускников аэроклубов, направляемых липецким горвоенкоматом в распоряжение 6-й Воронежской школы ВВС.

Вскоре послышалась команда: «Строиться!» Люди стали

выстраиваться вдоль вагонов на перроне. Из них формировались команды и моментально распределялись по вагонам. Если из вагонов раздавались бодрые голоса будущих бойцов, звуки гармоники, то с перрона слышался душераздирающий плач детей, жен и матерей. Слез было слишком много. Как мог я бодриться, хотя на душе от такой сцены скреблись кошки. Настал наш черед. На прощание целуюсь с родными и Катей, что-то обещаем друг другу. Все, надо торопиться. К нам подходит офицер и командует: «Эта группа направо, на посадку в вагон шагом марш!»

Почти все ребята были мне хорошо знакомы по аэроклубу: все липчане или из области, кроме одного паренька из Белоруссии со странным именем Леверий. Всего нас было 13 человек, почти ровесники, максимум год – два разницы. Не каждого сейчас назову. Все же почти семьдесят лет прошло...

Вот кого помню: Петя Полозов, Жора Стукалов, Леша Мещеряков, мой одноклассник, Саша Кукушев, Петя Зачиняев, Ваня Стибихин... Еще кто-то, чьи имена уже стерлись по давности лет. С Петей Зачиняевым мы вместе перешли в Борисоглебскую школу летчиков. Он окончил ее на год раньше меня – в 1944-м. Воевал. Погиб в самом конце войны в авиакатастрофе на аэродроме в Венгрии [24]. В бою годом ранее был тяжело ранен и умер от ран Ваня Стибихин [25], служивший воздушным стрелком...

Но все это будет потом. А пока судьба свела нас всех вме-

сте в одной команде, в одном вагоне. Мы не знали в ту минуту, что ждет нас впереди, и томились неизвестностью, поглядывая в окна, за которыми мелькали бесконечные поселки и полустанки. Казалось, нет конца этой дороге, ведущей нас, вчерашних мальчишек, на войну... Как в одном моем стихотворении:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.